

Б.Собеседник
Юлия Дии

БЛУЖДАЮЩИЕ В МИРАХ

Маршал Конфедерации
Карста

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

© B.Sobesednik & Julia

18+

Рокит

Б.Собеседник и Юлия Дии Блуждающие в мирах. Маршал Конфедерации. Карста

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38186160

SelfPub; 2020

Аннотация

Параллельные миры... Маршалы Конфедерации в мрачном средневековье... Гм!.. Избитая темка, не находите? Только совсем уж ленивый на ней не оттоптался. Н-н-н-нда... Мы бы, честно говоря, тоже мимо проскочили, ежели б судьбой не уготовано было нам реально в Зазеркальи побывать, воочию, так сказать, убедиться в существовании этих самых пресловутых миров, и даже лично познакомится кое с кем из тамошних персонажей. Редкая, согласитесь, удача! Так что, поверьте, у нас есть, что вам рассказать. Вэлкам! Присоединяйтесь! Содержит нецензурную брань.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

91

Долго скитался Ваагл Всемогущий ¹, отдыха место искал, размышлений и трапезы скромной.

Здесь, на склоне горы, где небесные птицы в деревьях спасутся от летнего зноя, на камень-валун преклонился устало.

Свон простирался пред ним красотой окрестных земель и притягивал путника взор восхищённый.

Веры незыблемой символ – величие древнее гор – пора- жало.

Резчик искусный, в озере горном своим вдохновлён отра- жением, прочного древа акации белой подобие Богово режет умело.

Ставит фигурку на камни, миг оживает она, духом зем- ли первородным объята, вниз устремляется, радуясь жизни и солнцу приветному.

Плотью животной на каждом шагу прирастая, кровью полнясь животворной, пристанище вечной души обретается в теле заветном.

В месте покоя и силы, мира оплот и божественной воли, град заложен, Карстою назван, на древнем наречьи – Обите- лью Смелых. ²

---

¹ Создатель Многоликий, главный объект поклонения в религии Свона.

² Ароон Велеречивый, «Песнь о Ваагле», пер. Б. Собеседник.

Ждать и догонять, как известно, занятие препротивнейшее. М-да-а-а-а... Уж поверьте на слово, милостивые государи, государыни мои! Примерно в том же русле текли мысли и несвежего вида чрезмерно крупного для окрестных мест сеньора, коротавшего одиночество у чадающего всеми своими древними швами и трещинками камина в злочной таверне на окраине Карсты – Оплота Веры дистрикта Святого Кууна³, без сомнения, зловоннейшей дыры Королевства Свон. А иначе, смею вас уверить, друзья, и быть не могло, ибо сей замечательный Куун, будучи, согласно всё той же Священной Книге Ваагла, первым Прелатом Ордена⁴ в тутошних краях, сам по себе не мылся никогда и пастве страждущей наказывал. Побегает, бывало, голышом под летним дождичком, ветошью мозглой оботрется, вот типа того и вся недолга. Зимой червей на себе разводил, возвращивал. Мучился адски! Коими, собственно, склонностями мазохистскими, а отнюдь не житием праведным, ежели злым языкам доверять, и выстрадал причисление лика своего к многочисленному сонму святых свонских.

Впрочем, вряд ли найдётся в нынешнюю смутную годину смельчак, отважившийся заявить во всеуслышание нечто по-

---

³ Святой, повелитель стихии земли, владыка руд, лесов, углей, покровитель горняков, металлургов, кузнецов, фальшивомонетчиков, нищих, бродяг.

⁴ Орден – аналог церкви, религиозная организация Свона.

добное. Святой как-никак! Язык же, согласитесь, вещь нужная, редкая, дана человеку единожды, и лишаться её попусту нет никакого резона. Орден силён как никогда! Адепты его повсюду, да благословит Святой Куун их чудный смрад!

С приснопамятных времён чистоплотность в сём захолустье – сущий грех, всяк же уважающий себя человек, будь то зрелый муж, мальчик-паж или дева непорочная, подванивать должен, и чем ядрёней, забористей, тем лучше, дабы, к примеру, курзоном ⁵ презренным не прослыть. Потому как не привечают аборигены содомию. Забить могут. Насмерть. Что и делают с превеликим удовольствием при любой okazji. Не по злобе, конечно же, решительно нет, а попросту ввиду отсутствия каких-либо иных достойных развлечений.

Земля здесь тяжёлая, родит бедно, иной раз и вовсе не плодоносит. Летом наводнения часты, зимой – морозы лютые. Частенько бывает, отлучится пьянчужка из кабака по нужде, да и не возвратится боле. Лишь посветлу найдется бедолага, в собственное дерьмо вмерзший. Без порток, без сапог, брюхо собаками вспорото, лицо крысами да кошками изгрызено. Сапоги, верно, мыши уволокли. Токмо зачем они им? Очень морозы бывают лютые!

Разумеется, как и любая малоприспособленная для жизни местность, край здешний припасами для деятельности человеческой зело богат: рудой болотной, углём, камнем, лесом. Однако промысел оружейный испокон веков исключитель-

---

⁵ На местном наречии – гомосексуалист.

но монахам дозволен. Монополия, так выходит, государева. Множество, должно отметить, среди них взросло оружейников умелых, металлургов, мужей, к иным наукам способных. Но то всё в массе своей люди пришлые, народец же туземный на весь Свон исключительно выносливостью да силой недюжинной славен. С раннего детства только и приучены, что глыбы в каменоломнях ворочать, тачки тяжеленные с углём, рудой до домниц катать, лес сплавлять.

И ведь всякий мудрый правитель тем или иным способом пытался коренной дурной люд оседлый к ремёслам привадить, труду общественному. Будь то корабельное дело, строительное, мануфактура ткацкая или, положим, гончарная. Тщетно! Рано или поздно, как водится, разворуют все, пожгут, передерутся и айда по домам, жён мять, бражничать. А чтобы, значит, с голоду не помереть, в сезон на юга батрачить подаются, в поля, шахты, на лесосеки. Кондотьерствуют, в наёмники подвизаются, на ристалищах потешных бьются, живота не щадя, другой раз грабежом не брезгают. К зиме возвращаются, по трактирам сидят, заработанное прожигают, морды в кровь бьют друг другу, девок в закутах портят. Монету, как бы то ни было, в налог исправно несут, иначе и на кол недолго угодить! Соображают! Кому ж охота кишки-то рвать? Словом, нечего брать с голытьбы, притом злые они, точно псы цепные.

Опять же, по весне рекрутеры разномастные, до лёгкой наживы охочие, судейские со всего королевства съезжаются.

Глядишь, кого за долги на галеры ⁶ определяют, кого в копейщики за мелкие провинности. Мало-мальски сообразительные, денежек от жён и собутыльников утаив, индальгенции покупают. Членовредительство или, скажем, самосуд неправый амнистии не подлежат, каторгой сурово караются. И никому ведь с копей соляных ещё сбежать не удалось. Гиблые места, да убоятся все!

Заграничные визитёры носы свои изнеженные совать сюда не брезгают, наёмников вербуют, крупными барышами заманивая. Особняком держатся ланисты ⁷ из земель Святого Сииркса ⁸ – покровителя воинов и вообще всех любителей подраться. Множество забияк бесшабашных желают счастья попытать бойцовского на аренах Керка ⁹, да немногие живыми возвращаются. Поговаривают, убиенных «гладиаторов» и не хоронят вовсе. Мёдом пчелиным заливают, воском укупоривают, после же свозят далеко на юг, где в урочищах тайных, ночами тёмными безлунными, в час, когда Ваагл Всевидящий, веки усталые сомкнув, от трудов праведных отдыхает, меняют вождям пустынных племён на камень драгоценные. Нигде более в Своне и окрестностях самоцветов по-

---

⁶ Галера – [гребной военный корабль](#) с одним рядом [вёсел](#), несущий до трех [мачт](#) с треугольными и прямыми [парусами](#), использующимися в качестве дополнительного движителя.

⁷ Владелец арены, организатор боев.

⁸ Святой, повелитель огненной стихии, владыка железа, покровитель воинского дела, боевых искусств, воинов, палачей, разбойников, грабителей.

⁹ Керк – административный центр, Оплот Веры дистрикта Святого Сииркса.

добной красоты не сыскать. У пустынников, в свою очередь, мяса недостаток хронический, тогда как редкое праздничное застолье без лакомств скромных должно обходиться. Киной же плоти животной издревле не приучены они, не добыть её попросту в песках-то раскалённых.

Контрабанду монахи жестоко пресекают, границу патрулируют, убивая нещадно, обращая в рабов любителей лёгкой наживы. Коих, впрочем, всё одно меньше не становится. От же натура человечья, лишь бы не работать, а урвать-то всяк горазд! Так и повелось к всеобщему благоденствию, процветанию приграничному: свирепые кочевники людей в полон толпами не угоняют, разве что изредка потаскушек для утех плотских, Свону войска регулярные на границе держать без надобности. Выходит – каждому по потребностям, при неукоснительном соблюдении интересов государевых.

Богатеи в своем отдельном мирке жируют при казне под защитой Претонов ¹⁰ местных или Прелатов ¹¹ орденских за мзду немалую. С последними шутки плохи, нипочем не спрятаться от длани их карающей, наказания не избежать. Шибко разрослось Братство Ордена ¹², с королевскую Тайную Канцелярию соперничает. Шпионов, агентов не счесть

---

¹⁰ Королевский наместник в дистрикте, глава исполнительной и законодательной власти.

¹¹ Наместник Святого Ордена Ваагла в дистрикте, полномочный посланник Его Святейшества Главы Ордена.

¹² Военно-политическая организация Ордена.

с обеих сторон, табели о рангах, пределов, преград не существует для них. Всяк без суда и следствия в подземелья пытошные легко на дыбу угодить может. Страшно жить стало. Затаились разбойнички, разбежались по городам и весям. Кто в Сагрию ¹³ мародёрствовать подался, кто на западное побережье в контрабандисты, каперы, пираты Гемурские ¹⁴. Оттого и зачах окрест промысел лихой, некого судить да колесовать-потрошить, жечь-рвать калёным железом на лобном месте.

Прошли времена весёлые, когда люди со всей округи чуть ли не через день поглазеть на публичные истязания и казни съезжались. Лицедеи бродячие, клоуны, крики, вопли пытуемых, кишки на помосте, запах горячей плоти, рёв экзальтированной толпы, кровь, эль рекой, блудницы с бесстыдно нагими грудями, пьянка-гулянка до утра. Было, да прошло... Палач с уныния лавку мясную держит. Всего-то и радостей осталось: воришку на рынке изловят, жену неверную с любовником застукают, ведьму-ведуницу или, к примеру, вот курзона изобличат. Какой-никакой, а повод с родственниками встретиться, поговорить, руками помахать, размяться на свежем воздухе.

Изменника, еретика ли, фальшивомонетчика поймать – редкая удача! И палачу любо-дорого стариной тряхнуть, шкуру крючьями с кого заживо содрать. Всяко и помель-

---

¹³ Группа разрозненных княжеств на восточных границах Свона.

¹⁴ Гемур – островное государство на северо-западе в Западном Море.

че, известно, случается, шлюху грудастую не поделают, собаку чужую зашибут, ногу в сутолоке базарной отдавят. Всяко. Дерутся тогда, словно оглашенные, зачастую до смертоубийства доходит. Опять-таки, кто-то же должен соль-матушку в Сагрийских горах ¹⁵ ковырять-добывать, света белого не взвидя, в страшных копиях заживо гния? Мрут там даже самые отчаянные и выносливые, точно тараканы на морозе, оттого пополнение постоянно требуется.

Что ж, поговорили о том о сём, подошло времечко в таверну возвратиться, дабы горло промочить, трескотней несущественной иссушенное. За период недолгого отсутствия нашего, поверьте, декорации нисколько не менялись. На изрядно полинялой, жалобно скрипящей под порывами ветра вывеске всё так же гордо значилось: «Первый Мечник». По слухам, лет двадцать тому назад основал сие угодное Вааглу заведение вышедший на пенсию бывший лучший в округе, но опальный боец на мечях. Здесь его немного погодя, будто свинью в пьяной драке, и прирезали. А память осталась. Однако поспешим вовнутрь.

Уютное местечко, в коем по неведомым пока ещё причинам праздно томился упоминаемый в начале нашего повествования господин, являло собой небольшое, сравнительно чистое, насколько позволяют туземные обычаи, помещение посетителей эдак на двадцать пять – тридцать с огромным камином посередине, единственным квадратным малень-

---

¹⁵ Горный хребет на юго-востоке Королевства Свон.

ким окошком, тщательно забранным мешковиной, и предназначалось, по-видимому, для обслуживания уважаемых людей по особым случаям. Ни дать ни взять банкетный зал! Несколько коптящих под потолком толстенных свечей давали в достатке мутного дрожащего света, кроме того, – о невиданная роскошь! – подсвечник стоял на каждом столе. Не-е-ет, черни явно не место здесь! Иной расклад там, за стеной! М-м-м-м! Громкая ругань, хохот, глухие удары, крики, женский визг, чёрт-те какие еще музыкальнейшие звуки варящегося, бурлящего, рвано-вонючего необычайно живого перфоманса, проникая урывками сквозь худую перегородку, вызывали неудержимое желание поучаствовать, напиться до соплей, помазать огромные упругие грязные сиськи, вполне возможно, схлопотать по физиономии, вывалиться в грязи и, сломав, наконец, к всеобщему удовольствию пару-тройку челюстей и носов, провести остаток ночи за решёткой в тёплой компании потерявшего всякий облик человеческий разномастного отребья. Впрочем, гость наш никакого интереса до всеобщего веселья не проявлял либо весьма деликатно заинтересованность эту свою скрывал.

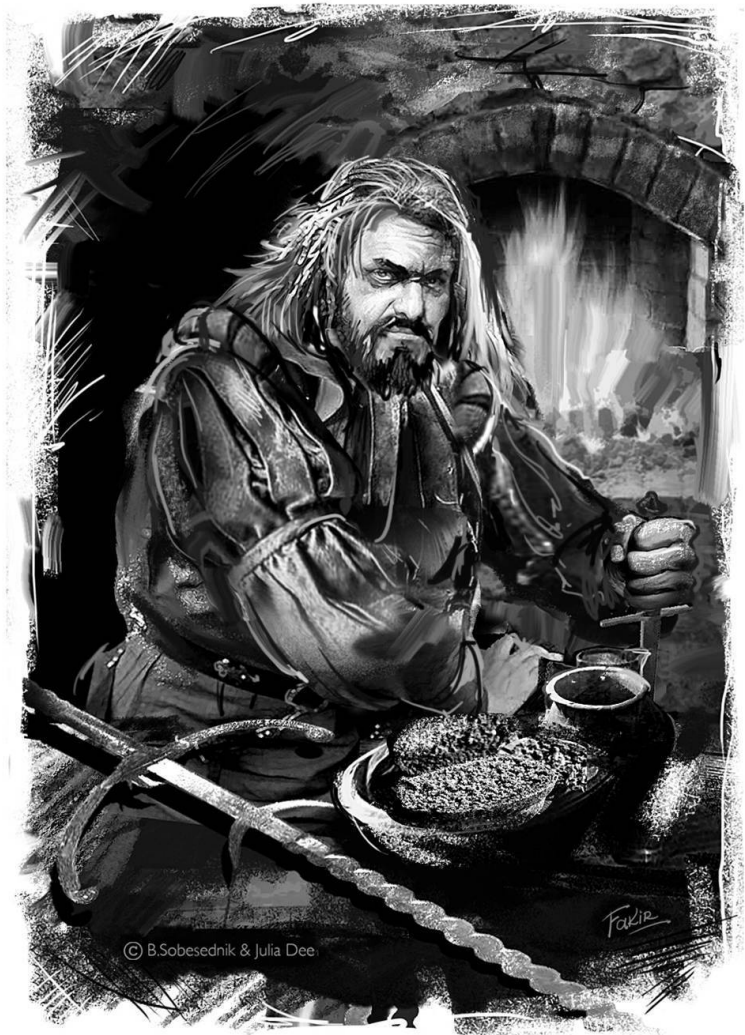

С трудом вмещающийся за низеньким колченогим столом незнакомец походил на огромный валун посередь вспаханного поля, такой же одинокий и неуместный. Схожесть вдобавок усугублял неимоверно грязный камзол, ещё, верно, при жизни Святого Кууна потерявший первоначальный цвет, взамен приобретший столь любезный взору истых приверженцев чумазных добродетелей Преподобного равномерный землистый оттенок. Видно, хозяину его всё ж не раз приходилось искать приюта в хлеву, деля ночлег с нищими, свиньями, кошками да крысами, изобилующими, надо полагать, блохами, вшами, вонючими клопами и прочей паразитской живностью. Не так ли? Сапоги, однако, добротные, воловьей кожи, да и накидка меховая, небрежно брошенная на соседний стол, – знатная, даром что заляпана изрядно. Удивительное дело, но за всё это время незнакомец ни единого раза не почесался! Хотите верьте, хотите нет! Он вообще не делал ровным счетом ничего такого, присущего и привычного всем без исключения горожанам, приятнейшего до рези в животе, до коликов печёночных, как то: не пердел, не рыгал, в тарелку не блевал, на пол не сморкался, под себя не гадил. Можете себе представить? Нет? То-то же! «Неужто чужеземец?! – удивлённо воскликнет проницательный наблюдатель. – В такой дыре? Каким лихом его сюда занесло?» И, конечно же, будет прав.

Внешность чужака, несомненно, заслуживала особого внимания. На вид ему было эдак лет сорок пять – пятьдесят. Глядишь, и поболее, а приглядишься, и поменее. Никогда ведь доподлинно не угадаешь, что скрывается под грязно-русыми кашлатыми лохмами, бороною клочной да двухнедельным слоем грязи с копотью. Бывает, обреют лицо злодею, приговоренному к пытке грушею ¹⁶, – такие юнцы желторотые обнаруживаются, хоть святых вон выноси! Не наш случай, ясный пень, но всё же... Широченные покатые плечи венчала огромная лобастая голова, вмещающая, осмелимся предположить, столько мозгового вещества, коего иному умнику и малой толики хватило б, дабы мужем учёным прослыть. Не каждому по зубам, согласитесь, постичь магию букв, словообразование из оных или, положим, цифрированное исчисление мудрёное осилить. Живописать же Заповеди Ваагла вензелями орнаментальными, судить со знанием дела о движении светил небесных и философствовать непринуждённо вообще лишь немногим образованнейшим монахам доступно! К тому ж излишнее это, кому-то нужно ведь и закуты выгребать, топором орудовать, за плугом ходить, руки-ноги-головы на поле брани рубить.

---

¹⁶ Груша – орудие пытки, состоящее из металлической раскрывающейся конструкции грушевидной формы и винта. Изобретена в XVI веке. Основная часть механизма – винт, при закручивании которого лепестки груши раскрывались, как цветок. Лепестков могло быть 3-4 штуки. Таким образом она разрывала гортань (оральная), прямую кишку (анальная), влагалище (вагинальная).

© B.Sobesednik & Julia Dee

Fakir

Почти полностью сокрытое косматой неухоженной боро-
дицей, лицо под ней просматривалось волевое и решитель-
ное. Крупный, преломленный чуть ниже переносицы нос, на-
висая над тяжёлым, далеко выдающимся подбородком, при-
давал незнакомцу сходство с огромной хищною птицей. Схо-
жесть вдобавок усиливали глубоко посаженные серо-сталь-
ного цвета глаза, при всей своей напускной осоловелости
чутко реагировавшие на каждый звук, каждое дуновение
сквознячка, любое мимолетное движение. У такого орла, в
народе молвят, мышь за спиной не проскочит незамеченной!
В то же время, кажущееся нарочито медлительным и непо-
воротливым, это грузное человечье нагромождение излуча-
ло некую затаённую энергию, силу недюжинную звериную,
готовую в любой момент разжаться, развернуться пружиной
стальной и молниеносно ударить насмерть! Справедливость
подобных предположений совершенно недвусмысленно под-
тверждал и немереной длины обнажённый двуручный меч,
возлежащий здесь же, на столе, под правой рукой хозяина.

О-о-о-о, что это был за меч! Чудесное оружие! Великолеп-
ный фламберг ¹⁷! Огненный клинок – Посланник Смерти!
Воины, когда-либо державшие его в руках, прекрасно осве-

---

¹⁷ Фламберг (от нем. die Flamme – пламя) – двуручный (иногда полторный, редко – одноручный) меч с клинком волнистой (пламевидной) формы. Лезвие затачивалось по всей длине, при этом волны чуть отгибали, «разводили», как у ножовки. Раны, нанесённые таким клинком, практически не заживали и чаще всего приводили к гангрене. Очень сложные в изготовлении и дорогие мечи.

домлены – повреждения, нанесённые волнообразным лезвием, почти всегда смертельны. Поражённый им умрёт либо на поле боя, корчась от боли, источаемой страшными рваными ранами, либо незначительно позже в адском пламени пожирающей плоть гангрены.

Гм... Увечья и болезни, без сомнения, проявления бытия, интереснейшие во всех отношениях, однако всему свой черёд. Мы всё ж таки в таверне, и всякому, попирающему землю грешную, отлично известно: ничто не скрашивает томительное ожидание лучше отменной свиной ножки, сдобренной, ко всему прочему, парой кружек чудесного монастырского эля. Незнакомец наш, невзирая на внешний вид, весьма непрезентабельный, человеком был, видимо, благородным, к тому же, как мы уже выяснили, неглупым, потому именно так он и поступал, отрезая закопчённым кинжалом добрые ломти сочащегося, обжигающе горячего мяса, серого ноздреватого хлеба и, монотонно перемалывая их отменными зубами, периодически запивал все это сомнительного вида бурой жидкостью, распространяющей вокруг тошнотно-кислое благоухание. Изредка благородно отрыгивал, брал меч, некоторое время задумчиво, словно оценивая его железную всеразрушающую тяжесть, будто свыкаясь, роднясь с ней, держал грозное оружие в вытянутой руке, вставал, делал несколько искусных выпадов, хитроумных, доведённых до автоматизма, сочетаний кустодий, obsessions и invasions ¹⁸,

---

¹⁸ Основные техники и приемы фехтования на мечах в европейской фехтоваль-

вращал, колол, рубил воображаемых противников, плотно заполняя пространство вокруг себя пронзительно свистящей сталью. Обычные ратники и двумя-то руками схожие железки с трудом ворочают, здесь же... Нда-а-а! Силища! Немного подустав, осторожно, с потаённым уважением, долго и тщательно протирал потемневшее в битвах лезвие сальной тряпицей, смазывая остатками свиного жира из тарелки, правил небольшим оселком, после чего водружал ровно на то же место подле себя. Затем подходил к очагу, прокаливал кинжал в раскалённых углях и снова неспешно принимался за еду, причём ритуалы эти, абсолютно, заметьте, бессмысленные с точки зрения любого нормального жителя Карсты, осуществлялись после каждого упражнения без видимых на то причин.

Знатный аккуратист, по всему видать, этот чужеземец! Тем не менее ждате одобрения столь вопиющего чистоплюйства в здешних краях уж вряд ли когда-либо приходилось. Напротив, стоило бы опасаться okazji малоприятных! Но человек в большинстве случаев действует по заведённой им традиции, следуя привычкам, кажущимся в иной реальности правильными, незыблемыми. Беспечно забывая порой о том, что всякие слабости, втайне от глаз любопытных взлелеянные: в носу, к примеру, остервенело ковырять, ногти грызть, в паху, заднице чесаться самозабвенно, папиросу о ноготь выстукивать, материться на родном языке или вот оружие с

маниакальным упорством начищать, нет-нет, а обязательно проявятся в непредвиденных ситуациях и выдадут вас с потрохами.

Канул час, другой... Давным-давно уж всё съедено и выпито. В обедах, по обычаю сброшенных на пол, деловито суетились, пировали крысы. Всяки ведь животные насыщаться должны, привес набирать. В том-то и есть, наверное, главный смысл жизни. Придёт их черёд, и они, будьте покойны, станут чьей-то пищею насущной. Ещё час минул... Свечи почти все догорели и погасли. Богатырский храп, исходящий от большого, недвижимого, изнурённого вынужденным заточением тела, зависая под почерневшим от копоти потолком, опускался геликоптером, мерным рокотом заполняя убогую комнатёнку, напрочь заглушая отзвуки бурного веселья, творящегося за стеной. Вот и крысы, прервав трапезу, разгневанно пища на все лады, потянулись в норы, избегая возмутительных вибраций. В тёмном углу приоткрылась малоприметная дверь, впустив на мгновенье сонм громких развязных звуков, и тут же закрылась, восстановив вновь относительную тишину.

– Свои, Юра, свои! – спокойный, с едва заметным акцентом, голос остановил блеснувший молнией клинок в считанных сантиметрах от шеи. – Держи себя в руках, пожалуйста!

– Свои по домам сидят! Стучаться надо! А-ах! – позёвывая, сонным голосом недовольно проворчали из темноты. – Так ведь оно и до беды недалеко!

– А это и есть мой дом, если ты ещё не заметил! Руки заняты, неужто не видно?! – вошедший с грохотом вывалил у камина большущую охапку дров. – Замёрзнуть хочешь? В этой дыре обычных дров с огнем не сыщешь! Из личных запасов Его Превосходительства Окружного Судьи Гнууиса Милосердного, между прочим! Или Господин Маршал желают кизячка ¹⁹ эндемичного термоядерного нюхнуть? Только намекните, это мы мигом устроим! В общий зал метнёмся на секундочку, нагребём ведро, им и натопим! А чего в потёмках-то?

– Не паясничайте, Роланд, вам не идёт, – меч на прежнем месте, будто и не покидал его вовсе. – И вообще, что вы себе, на хрен, позволяете? Нет тут никакого Юры и уж тем более никакого Маршала непонятного. В тутошнем диалекте и слова-то схожие по смыслу отсутствуют, а вы...

– А что, по-вашему, присутствует... в тутошнем... хм... диалекте? – демонстративно игнорируя упрек, Роланд осторожно извлёк из-за пазухи вполне пригодные ещё огарочки свечей, уместно предположить, оттуда же, от Превосходительства, заменил ими сгоревшие, поджёг от лучины. – Научите нас, пожалуйста! – походя отфутболил в угол остатки крысиного банкета. – Вы же там, в Центре, самые умные! Всё знаете, всё умеете! Хансвурсты ²⁰, мля!

– Скажи лучше, где пропал, бубёныть? Все жданки

---

¹⁹ Кизяк – высушенный навоз, кое-где используемый, в частности, как топливо.

²⁰ От der Hanswurst (нем.) – шут, паяц, клоун, петрушка, дурак.

съел!

– Где, где... Город такой в Казахстане есть – Караганда! Поди, слышал? В условленном месте! Где же ещё? Птичку почтовую хоть бы прислали! Какую-никакую весточку! – стало светлее, фламберг, наконец, показался во всей своей огненной красе. – Это что ещё такое?! Холи шит ²¹! Святая Мандрака ²²! Умом, что ли, все там тронулись?! Гвоздь в седле! Ты чего сюда притащил, осёл безмозглый?! Совсем еб*нулся, думмкопф ²³?!

– Да что с тобой случилось-то, Рол, в самом деле?! Меч как меч, ничего особенного...

Пришло время, думается, представить восхищённой публике нашего нового знакомого. Забудем ведь, вспомним позже, а уж вроде как и ни к чему, быть может. В столь беспокойную пору от чумной болезни помереть запросто, иль убьёт кто по недомыслию. Итак, его звали Роланд. Гражданин ГДР, в совершенстве владеет основными европейскими диалектами, включая, как вы уже наверняка заметили, русский матерный. В сравнительно недавнем прошлом – сотрудник Штази ²⁴. Рыжий, невысокий, кряжистый, руки волосатые, ма-

---

²¹ От holy shit (англ.) – срань господня.

²² Святая, повелительница воздушной стихии, владычица и покровительница искусств, развлечений, художников, жриц любви, насильников, содомитов.

²³ От der Dummkopf (нем.) – идиот, тупица, бестолочь, болван.

²⁴ Министерство государственной безопасности [Германской Демократической Республики](#) (ГДР) ([нем.](#) Ministerium für Staatssicherheit, неофициальное сокращение – Stasi) – [контрразведывательное](#) и разведывательное ведомство ГДР. Об-

лость кривоногий, словом, местный типаж. Годков где-то за шестьдесят, по всем различимым признакам много старше Юрия.

разовано 8 февраля [1950 года](#) по образцу и при участии [МГБ СССР](#). Самая эффективная спецслужба за всю мировую историю.

© B.Sobesednik & Julia Dee

Одет неброско. Ткани добротные, пошито аккуратно. Обувка приличная. Как говорится, простенько, но приличненько. Лицо умное, открытое, выражения, надо сказать, менее воинствующего. Скорее – интеллигентного, коль скоро схожие по смыслу определения в принципе приемлемы к нечёсаным, безобразно заросшим физиономиям. Волосы тёмные с проседью, нос прямой, глаза светло-карие, чуть навывкате, спокойные, и даже теперь волнение его выдавал лишь повышенных тонов, слегка срывающийся голос:

– Ничего особенного, говоришь?! У нас в Своне, чтоб ты понимал, легальное оружие только монахи куют. Дрек мит пфеффер ²⁵! Исключительно их прерогатива! Конкурентов без суда и следствия железом калёным в подвалах монастырских выжгли и внимательнейшим образом теперь доглядывают, чтобы никто, нигде, ни-ни с оружейным железом не шалил. Плуги, бороны, гвозди, подковы – это пожалуйста! Хоть пояс верности жене! За ваши пфеннижки – любой изврат! Всякое же колющее, режущее, ножик самый малюсенький перочинный – табу! Безусловно, сподручно и к палке гвоздь присобачить, но это уже другая статья, причём в твоём случае доказывать-то особо нечего, контрабанда, и дело с концом! Не свонских оружейных дел мастеров эта работа, сразу видно. Уж чёрт-те, когда орденские повсеместно запретили употребление и, соответственно, изготовление

---

²⁵ От Dreck mit Pfeffer (нем.) – дерьмо с перцем.

подобных извращенских волнистых штучек! Улавливаешь? Чирей на пятке! Что интересно, как бы это кому ни показалось странным, именно с позиций гуманности.

«Да уж! Гуманности в этом сумеречном жутковатом мире хоть отбавляй! – Юрий перебирал в уме скупую нарезку сведений, упиханных в него за несколько дней сотрудниками Центра подготовки Специальных Операций. – Старина Рол, вон, поди, лет двадцать уже, наверное, торчит здесь, бедолага! И ведь не свихнулся ещё! Как только человеком умудряется оставаться?»

– ...В действительности, ежели приглядеться, ничего странного в том нет, особенно учитывая необычайную тягу туземцев к выяснению отношений с использованием всевозможных подручных средств, в первую очередь, естественно, дробящих, рубящих, колющих и режущих. К числу коих относятся, безусловно, и мечи. Фламберги, кстати говоря, в ту далекую пору пользовались в народе огромной популярностью именно благодаря заложенной в них конструктивной особенности без особых усилий наносить противнику практически неизлечимые ранения. В какой-то момент даже возникла угроза потери боеспособности значительной части свонской армии! Это в мирные-то дни! А главное, из-за чего? Я тут недавно у судьи в библиотеке дубликат чрезвычайно любопытного документика тридцатилетней давности отковырял. Простофиля мой, попутно замечу, до сих пор абсолютно убеждён, что его зятёк ни читать, ни писать не

выучен. Святая наивность, да хранит его Ваагл Великодушный! Так вот одним из первых пунктов сего документа значилось примерно следующее: «Ввиду участившихся фактов смертельных и приводящих к оным исходов бытовых ссор в казармах и в походах армии Её Величества, с целью пресечения и дальнейшего недопущения подобного, приказываю!..» Далее следовал обычный, как и в любой армии, бесхитростный набор громогласных, ни к чему не обязывающих мер. Типа, красиво отписались – баба с возу! Жуйте кизяк! Причина, надеюсь, теперь понятна?

– Ещё вчера понятна! Очумелые дубосеки трошки поубивали друг друга! Гляньте-ка, эка невидаль для сверхгуманного тёмного Средневековья! Чего ты мне всё разжёвываешь, точно школьнику? Я ж не маленький!

– Мы, немцы, люди спокойные, основательные, а вы, славяне, – черти нетерпеливые, всё больше по верхам скачете! Хотя нет, не все скачете, некоторые... Помню, помню, как кое-кто «Дворцовый этикет» провалил! Пробкой чуть из Академии не вылетел! Слушай, парень, лучше внимательно, дабы глупых вопросов потом меньше возникало. Важный момент! Нетрудно догадаться, что основной урон по вполне объяснимым причинам был нанесён командному составу. Мечи понтовые дорогушие, простой пехоте не по ранжиру. Не по попе клизма, так сказать! Ну, ясный пень... М-м-м-м... Монахи, ребята сообразительные, быстренько все эти косяки выявили, обобщили и запретили. Напрочь!

Гвоздь в седле! И, что примечательно, ты не поверишь! – тут же эстафету вселенского гуманизма друженько подхватили по всей округе! Просто-таки эпидемия человеколюбия какая-то! Зарруга! Сначала в Элефии ²⁶, что, в принципе, объяснимо, союзники как-никак, затем в Гемуре и Сагррийских княжествах. Чуть позже Онорский Фарриат присоединился и почти одновременно с ними – Гонгарский Союз. Причинам эдакого единодушия остаётся лишь подивиться! Не находишь? Нынче даже Южные племена не балуют! Есть ещё Северные племена и так называемые горцы – Пещерные Жители, но о них вообще мало что известно. Немногих же безбашенных, рискнувших послушаться, общими усилиями методично изловили и заживо отправили разнообразить дастарханы Пустынников. Это чтоб присутствующие хорошенько прониклись всей серьёзностью возможных последствий! Нда-а-а... Страшная участь! Альбтраум ²⁷, мля! – артистично всплеснул руками Роланд. – Сдаётся мне, ты не догоняешь, брат! Выкроим попозже свободную минуту-другую, так и быть, подсвечу тебе темку. Кое у кого из наиболее одиозных пиратов, слышал я, запрещённые игрушки всё ещё в ходу. Это отщепенцы, почти повсеместно персоны нон гра-та, жестоко преследуемые в большинстве цивилизованных,

---

²⁶ Государство – заморский союзник (Западное Море) Свона, столица – Таранга. Спорные территории – острова Святого Пуута – двойной протекторат Элефии и Свона.

²⁷ От der Albtraum (нем.) – кошмар.

пускай и по здешним меркам, стран. Мечтаешь пополнить их славные ряды? Феррюкнутый ²⁸! Словом, желающих огненный меч вожделеть, пусть и тайно, тем более – сварганить втихаря, ни за какие деньги днём с огнём не сыщешь! Даже на заказ, в одном-единственном экземпляре. Вдруг подглядит кто? И ведь обязательно подглядят! Ходят, понятно, легенды всякие, где-то далеко за морем, за туманными островами Святого Пуута ²⁹, в Новых Землях кузнецы есть, но... Мы же оба прекрасно знаем, Ури, из каких музейных запасников тебе сей злосчастный двуручник выдали попользоваться.

– Ошибаешься, Рол, бубёныть! Честно добытый в сражении боевой трофеей!

– Дык как ты не поймешь-то, думм ³⁰ твоя копф ³¹! Один чёрт – контрабанда, а за неё, красавицу, друг мой ситный, без суда и следствия того... Казнь, значит, смертная вовсю полагается. То-то и оно! Знаешь, как это бывает, да? Здешний Прелат орденский попросту выносит вердикт, и вся недолга! Жуйте кизяк! Всего одно слово. Большой палец либо вверх, либо, с гораздо большей вероятностью, вниз, – наглядно продемонстрирован знаменитый жест зрительских антипатий, –

---

²⁸ От verrückte (нем.) – чокнутый, безумец, сумасшедший.

²⁹ Святой, повелитель морских течений, покровитель мореплавания, палачей, осужденных и рабов.

³⁰ От dumm (нем.) – глупый, тупой, безмозглый.

³¹ От der Kopf (нем.) – голова.

причём напрягает как раз то, что собственно процесс дальнейших неминуемых истязаний самим же палачам на откуп и отдан! Подход, к слову, вполне оправданный. Кому ж, как не штатным потрошителям, лучше знать, какими именно изощрёнными способами в мир иной ту или иную жертву препроводить? В зависимости от состояния здоровья, типоразмеров, силы, выносливости приговорённого и прочих разных важных параметров. Власти лишь пожелания свои могут высказать. Живодёры же в околотке весьма искусные имеются! О-о-о, можешь мне поверить, насмотрелся! Рука лёгкая, неделю помереть спокойно не дадут! Крепыш вроде тебя... хм... большая удача! Въезжаешь, о чём я?! Упрёшься, и дольше промучаешься... Одного не понимаю, неужели твои начальнички, идиоты, оружия приличного аутигенного подобрать не смогли?! Доннерветтер ³²! Полно ведь прекрасных мастеров в Своне!

– Да? А ничего, что пред тобою, так, между прочим, монсьор Граах Ругонский, Претон Её Величества Королевы Морры, Верной Дочери Свона, Защитницы Отечества, Покровительницы Ордена, собственной персоной, а?! Имеющий, напомню, право, если у какого тут малька память подзакисло, носить любое оружие, хоть на Луне изготовленное! И владею я им, чтобы вы знали, по наследству от покойного ныне, да упокоит Ваагл душу его грешную, папаши своего, тоже, кстати говоря, Претона Ругонского – Фреема. Так что

---

³² От Donnerwetter! (нем.) – Гром и молния! Чёрт побери!

всё законно!

– Бля-а-а-а! Вымучил-таки? Смог? Неужели? Ну-ка, ну-ка, ещё послушаем! Дистрикту какого будете, боярин?

– Святого Ниикуса ³³, покровителя торговли. Столица, Оплот Веры – Ругон. Не понял! Я что, на допросе у прокурора?

– Нет, дорогой мой, ты не у прокурора. Пока. Присяжайся. Курить принёс чего?

В наступившей паузе явственно слышался глухой стук, будто чем-то методично долбили в стену. «...Руга! ...руга! ...руга!...даба! ...аш! ...даба!» – в такт гулким ударам неразборчиво доносилось из-за перегородки.

– Сходить, что ль, глянуть? – озабоченно кивнул в сторону источника нервических фонаций трактирщик. – Судя по всему, башкой ведь...

– На кой оно тебе? За чужой, сгнивший от застарелого сифилиса мозжечок переживаешь? Успокойся уже, старик, сами разберутся! И потом, слуги, в конце концов, на что?

– Дык за стену волнительно...

– Постой-ка, брат мусью! Не понял, ты чего без сигарет-то? – встрепенулся вдруг тот, кого называли Маршалом Юрой. – Совсем озверел?! Сеанс связи только-только закончился, оборудование тёпленькое еще. Забыл заказать, что ли? Ай-яй-яй, как опрометчиво! – с явным удовольствием

---

³³ Святой, повелитель ветров, покровитель торговли, купцов, аферистов, жуликов и воров.

оттаптывался теперь он на собеседнике. – А не прихвати я блочок по старой памяти, листву прошлогоднюю или кизяк свой хвалёный в самокрутки набивал бы, да? Мастерило!

– Сам ты это слово десять раз подряд! Заказывал, знамо дело!

– И что? Отказали? Тебе, последнему ныне здравствующему ветерану Грюнвальдской битвы ³⁴?! Не свисти! Ни в жисть не поверю!

– Хм! Тоже мне шутник нашелся! – как-то криво ухмыльнулся Рол. – Помнишь, на соседнем потоке у технарей Оленька Бобкина училась? Партийная кличка – Губка Боб, гвоздь в седле! Страшненькая такая шикса ³⁵, чернявенькая, в очках, вислозадая.

– А то! Я и сейчас частенько с ней пересекаюсь, когда в конторе бываю. В основном, правда, в столовке. Где-то рядышком по хозяйственной части трудится. Кажется, на нашем же этаже, только в противоположном крыле. С Жанкой общаются эпизодически. Они же с одной кафедры.

– Вот-вот! С красавицей благоверной твоей из одного инкубатора. Та самая. Замуж-то хоть вышла?

---

³⁴ Грюнвальдская битва – решающее сражение [«Великой войны»](#) 1409 – 1411 годов, произошедшее [15 июля 1410 года](#) близ местечек Грюнфельд (Грюнвальд), Танненберг и Людвигсдорф. Союз [Королевства Польского](#) и [Великого княжества Литовского](#) под предводительством короля [Владислава II Ягайло](#) и великого князя литовского [Витовта](#) одержал решающую победу над войском [Тевтонского ордена](#).

³⁵ От die Schickse (нем.) – шлюха, давалка, курва.

– Давно! Уж и развестись успела. Дочка у неё...

– Немудрено. Кто с ней жить-то станет? Даже из науки попёрли за профнепригодность. Таких дундуков до пенсии держат какими-нибудь МНСами ³⁶ или СНСами ³⁷, диву даёшься! Не опаздывай да не бухай в рабочее время, всего и делов! А её турнули. Овца дурная упёртая...

– Нормальная женщина. Обычная... Какое, что-то я не догоняю, она к твоему куреву отношение имеет? Вернее, к его отсутствию, а?

– ...Мне вот интересно, – продолжал Роланд задумчиво, – дурында до сих пор убеждена, что мусака ³⁸ – это мясо с картошкой? ...Девчущке-то как, однако, с мамулькой не повезло! – понизил голос почти до шёпота. – Э-э-э-эх! Холи шш-шит!

– Чего ты там прошипел, подколодный? Не разобрал... Мусака? Какая еще, к бениной маме, мусака? – не сразу нашёлся Юрий. – А-а-а-а! Кто о чём, а наш вечно голодный бош о хавчике! Ты, помнится, и в лагерях вечно обожрать кого-нибудь норовил, вандаба! Тебе-то что до того? У тебя харчи закончились или сигареты? Уж решишь, наконец!

– Да, собственно, ничего, – пожал плечами тевтонец. – Просто на ум пришло. Наглядный пример, не более. Летом

---

³⁶ Младший научный сотрудник.

³⁷ Старший научный сотрудник.

³⁸ Мусака – традиционное блюдо из [баклажанов](#) на [Балканах](#) и [Ближнем Востоке](#).

после третьего курса в Краснодарском крае практику проходили, не забыл, поди, ещё? Горный сплав, альпинизм, планиризм, прочий тренировочный онанизм, который в жизни-то, скорее всего, так никогда и не пригодится, припоминаешь?

– Ещё бы! Столько винища местного выжрали, ужас! Почитай, лет двадцать с лихвой минуло, а печень до сих пор кошмарит! Девки, девки-то до чего хороши на Кубани! Огонь!

– Да я не об том! Зарруга! При чём здесь девки? По окончании практики в гости набились мы к начальнику тамошнего Учебного центра, Сашке Самсонову, помнишь? Деньги все пропили, а кушать по-чёрному хотелось! Вот он и сжалился, позвал... Грек ещё с нами увязался ваш, маршальский... Как его... Смешное имя такое, типа Карабас Барабас... Бл*дь, напрочь забыл!

– Радуйся, бубёныть! Почти что вспомнил. Керберос Барнабидис. Керберос – демон в переводе с ихнего. Гм! Соответствует. Хороший, кстати, боец, выручил недавно меня в одной весьма щекотливой ситуации. Крепко плечо подставил, спасибо ему.

– А никто его в «плохиши» и не записывал. Он просто, помнится, тогда маму Сашкину, светлая ей память, как раз-таки мусаку готовить и пытался учить. Мама, правда, блюдо фирменное своё немножечко по-другому звала-величала – «мусаха». Без разницы... Так вот эти твои Карабас с Барабасом, как сейчас помню, вдвоём набросились, засранцы, на

Галину Семёновну по тому самому поводу: типа, в их дремучей эллинской мухосрани благородную мусаку с плебейской картошечкой принято мутить. Кто только за язык тянул?! Дрек мит пфэффер! Это они зря! Хе-хе! Крупная дама была, видная, красивая...

© B.Sobesednik & Julia Dee

Falip

– восстановление в памяти шаг за шагом событий давно минувших дней доставляло рассказчику явное удовольствие. – В молодости греблей академической увлекалась, за гребной на «восьмёрке» весловала. Короче, тяжеленная по жизни вышла рука у мамы Гали, хоть и музыкальная. Преподавала она, значит, если кто не в курсе, в свободное от хм... загребания время по классу фортепиано. В общем, летал демон наш по кухне, пока форточку не нашёл. Вандаба! А ответ её турецкому, то бишь греческому султану мне почему-то в память врезался не хуже таблицы умножения. Местами, может, и лучше. «Не знаю, – басила она, грозно схмурив брови, – из чего там у вас, пиндосов, мусаху кулёмают, моя бабушка-армянка завсегда с баклажанами готовила, и дело с концом! А кому не нравится, пусть топают, нах, к Иван Иванычу прогуляться!»

– Прямо так, позвольте полюбопытствовать, и рекла: «Топают, нах, к Иван Иванычу»?

– Ну... почти...

– А это далеко, простите?

– А в пудр-клозет!

– Куда-куда?!

– У них, провинциальной юго-расейской интеллигенции, означало буквально то же, что и ваше среднерусское «до ветру». В туалет то есть. Оставь-ка, брат, свои сортирные вопросы, гааш! Вслушайся лучше в просторечное, родное такое,

столь милое слуху словцо – «кулёмают». Особо тогда восхи- тило, не забуду!

– Понятно... Как ты все эти мелочи помнить ухитряешь- ся? Ума не приложу! Столько лет прошло, а ты все кулёма- ешь, кулёмаешь... У меня словно вода сквозь сито... Не вы- кает, кстати, что-то словцо твоё... хм... милое. Стоп маши- на! Зарруга! Откуда здесь пиндосы-то взялись? Ну откуда?! То ж американцы, они мусаку не едят!

– Э-э-эх! Тёмный ты, Юрка, что липовый арап, сажей вы- мазанный! Оттуда же, откуда и остальное недопонимание, – от дремучести твоей безмерной. Сие, впрочем, к сожалению, явление ныне массовое, смело констатируем – повальное. А любое недомыслие, оно ведь в большинстве случаев от ни- кудышного образования, доннерветтер! Вместо того чтобы, понимаешь, знания базовые получать, регулярно закрепляя и проверяя их экзаменами серьёзными, вы, мой милый друг, как и многие-многие другие, ребусы-кроссворды на своих сраных ЕГЭ³⁹ отгадывали! Думм ваши копф! Типа: «А ну-ка угадай!» Ещё и выбирали, красавчики, носы воротили: это, мол, не хочу сдавать, сиречь – изучать, слишком сложно для молодого неокрепшего мозга, это вроде того полегче, значит, так уж и быть – хочу. Тьфу! Хансвурсты! – Роланд помалень- ку так, полегоньку всё более входил в раж. – Потому-то, к слову сказать, Академия у нас в Берлине базируется, а не в ваших Москве, Вашингтоне или, скажем, Париже, где тоже

---

³⁹ Единый государственный экзамен.

всё сплошь неучи, шайссе ⁴⁰!

– Ага! – пробурчал себе под нос Маршал. – Особенно в Силиконовой долине!

– Какой? Что ещё, брат, за долина такая силиконовая? Сиськи, что ли, искусственные делают?

– Извини, погорячился! У вас и Соединённых Штатов-то нет как таковых.

– И, должен тебе сказать, слава богу, что нет! Гвоздь в седле! Мы, немцы, – люди консервативные, ни к чему нам штучки всякие фильдеперсовы. Зато у нас в Фатерланде, как, к слову, и в приснопамятные времена в вашей России многострадальной, по старинке учатся, согласно заповедям, наказам мудрого дедушки Хумбольдта. Коими славными традициями и гордимся весьма, весьма, считаю, заслуженно! Жуйте кизяк!

– А в том... в вашем... Советском Союзе, как нынче со школьным обучением дела обстоят?

– Как, как... Вполне ожидаемо, как в песне! Впереди планеты всей!

– А-а-а-а... Повезло кому-то! Наверное...

– Тебя кто к вступительным экзаменам в Академию натаскивал? ...Сам Брукмюллер? Недолюбливаю австрияков, больно заносчивые. Но этот, признаюсь, хорош! Он же читал потом пару курсов у нас, помнишь? Чертовски хорош! Хоть и молодой... был... но старой закалки, основательный дядь-

---

⁴⁰ die Scheiße (нем.) – дерьмо.

ка! Голимую мартышку основам психостатики ⁴¹ обучит. Как раз ярый сторонник концепции Вильгельма фон Хумбольдта ⁴²...

– Слушай, Ролик, извини, конечно, что перебил, но почему ты Гумбольдта столь упёрто Хумбольдтом обзываешь?

– М-м-м-м... Ежели быть точным, звали его в натуре: Вильгельм Карл Кристиан Фердинанд фон Хумбольдт, а не просто там фон Гумбольдт какой-то вшивый! Во-вторых, это ж, скорее, к вам вопрос, уважаемый! Именно ведь вы, варвары, обожаете чужеродные фамилии-то коверкать! Да и вообще всё! Хайнриц Хайне, скажем, товарищем Генрихом Гейне ни с того ни с сего стал у вас, Хумбольдт вот – Гумбольдтом, Дюркхайм – Дюркгеймом, Пиньинь, ну пусть Бэйцзин, – Пекином, наш любимый Господин – Хер – Гером, ну и так далее и тому подобное. Примеров, согласись, море!

---

⁴¹ Классическая психостатика (не путать с довольно распространенной на рубеже XX – XXI вв. вульгарной так называемой экстрасенсорикой) – наука о природе возникновения, физико-химико-биологической сущности, закономерностях, механизмах существования и взаимодействия психостатических полей Марковича. Прикладная психостатика включает в себя проектирование, создание матриц источников психостатических полей (т. н. психородов), исследование, конструирование, поддержание стабильности, реминисценцию результирующих матриц перехода («слоек Седова»), обеспечение безопасного бесперебойного применения психокумулятивного эффекта Рубина результирующих матриц (смена реальности – т. н. психостатический переход).

⁴² Вильгельм фон Хумбольдт ([22.06.1767](#) – [08.04.1835](#)) – немецкий [филолог](#), [философ](#), [языковед](#), государственный деятель, [дипломат](#). Старший брат учёного [Александра фон Хумбольдта](#). Осуществил реформу гимназического образования в [Пруссии](#), основал в [1809 году университет](#) в Берлине.

– Так неблагозвучно ж!..

– Неблагозвучие, дражайший, в подавляющем большинстве случаев, оно от скудоумия, чтоб ты знал. Вы свой-то родной язык не уважаете! Целый пласт, самая, осмелюсь утверждать, выразительная его часть, под дискриминационным запретом у вас! Чего уж там о чужих-то говорить!

– Ты это о чём?

– О русском мате, разумеется! Зато дерьма всяческого англосакского насосали, о-го-го-о! Байки, вэйки, шмейки, девайсики, гаджеты, тренды, шменды, дуплексы, таунхаусы, софты, лофты, шмофты, хайпы, фигайпы, доннерветтер! Со-всем, что ль, оскудел язык русский? Слов не хватает? Даже в Гражданство и то безграмотно... хм... принимаете. Шоурумы вон уже вовсю склоняете, вообще звездеч! Шайссе! На каждом углу «аренда шоурумов» у них! Обоссаться можно! Не-е-е-ет, граждане, это вы зело на голову оскудели, не язык русский! Зарруга! И всё-таки скажи, пожалуйста, мил человек, шибко бы понравилось тебе, кабы для простоты произношения мы великого Льва Николаевича Толстого – зеркало, так сказать, русской революции – Лёвой Толстым с хамским ударением на первом слогe обзывали бы, ась? ...Не шибко? А уж как над Достоевским-то можно было бы поизгаляться, о-о-о-о! Однако в большинстве случаев никто кроме вас, дружище, себе этого, заметь, не позволяет.

– Да мне, собственно, по фигу, кого как звать!

– Вот этим-то мы в основном и отличаемся, что вам всё по

фигу, а нам – нет, хе-хе! Однако вернёмся к душешке Брукмюллеру. Э-э-э-э... Так вот, спорить на темы образования дядечка сутками мог! До хрипоты в коленях! ...Что? ...Ты, бесспорно, не мартышка, старик, тем более даже не голимая, тебе до неё, мля, как до городу Парижу – раком! Шучу! ...Ладно, не возбуждай, я же любя! Согласись, всё-таки базовые знания по всем основным предметам обязательно нужны. Математика, физика там, биология, родной язык, литература, прочее... Да, не нужна тебе квантовая теория поля, ясный пень! Вандаба! Ты в элементарной-то физике не особо шарить! И не сомневайся, мусаку лопают америкосы со страшной силою! Предостаточно греков там живёт-поживает.

– Позвольте, позвольте!

– Не позволю, милейший! – жёстко пресечена очередная робкая попытка хоть словцо вставить. – Вы, батенька, Чехова небось и вовсе в руки не брали, так же как, собственно, Ильфа и Петрова, Достоевского и многих, многих других. Заруга! Рефератами, поди, из интернета обходились? Чирей на пятке! Экспозе бессмысленными?

– Чем-чем?

– Экспозе, грубо говоря – краткое содержание какого-нибудь документа или произведения. Уяснил? А Галина Семёновна вот читала, будьте покойны! Я-то дома у них собрание сочинений Антона Палыча сразу заприметил в библиотеке. Потёртое изрядно, читаное-перечитанное. И для неё,

поверьте, Николай Анастасьевич Ананьев ⁴³ со всей своей простецкой, в чём-то буддистской, но всё ж философией отнюдь не пустой звук, а пища для ума. Там же, в частности, и пиндосы прямо упоминаются. А если б кое-кто повнимательней был, всенепременно услышал бы, как бабушка внучонка носатого своего, Лёшку Самсонова-младшего, пиндосиком ласково называла. Что же он, по-твоему, янки, что ли?! Пиндосами, чтобы вы знали, дорогой Маршал, издревле на русском Кавказе понтийских греков ⁴⁴ звали. Вслушайся-ка: пин-дос. Услышал? Фонетика явно не кельтская. Балканская фонетика в славянском исполнении. Так-то, дружище! Гут гекаут ист хальб фердаут ⁴⁵! Жуйте кизяк...

Роланд прикрыл глаза и проникновенно, с какой-то грустной чувственностью продекламировал:

– «...Я не без нечистых мыслей глядел на её бюст и в то же время думал о ней: «Выучится музыке и манерам, выйдет замуж за какого-нибудь, прости господи, грека-пиндоса, – здесь бош голосом-то поднажал, дабы последние сомнения собеседника развеять, – проживёт серо и глупо, без вся-

---

⁴³ Персонаж повести А. П. Чехова «Огни».

⁴⁴ Понтийцы (понтийские греки) – эллинская этническая группа, потомки выходцев из исторической области [Понт](#) на северо-востоке [Малой Азии](#) (современная Турция). Проживают в основном в Греции, США, Германии, России, Турции, на Украине и т. д. Языки общения преимущественно русский, греческий, турецкий, украинский, значительно реже – понтийский.

⁴⁵ От Gut gekaut ist halb verdaut (нем.) – Хорошо пережёванное – наполовину переваренное.

кой надобности, народит, сама не зная для чего, кучу детей и умрёт. Нелепая жизнь!» – Антон Павлович Чехов, «Огни». Услышал, повторить? Или вот ещё оттуда же...

– Ладно, ладно! Достаточно! С пиндосами грамотно уел ты меня, зарруга-гааш! Соглашусь, бубёныть! Готовился, небось? Словари академические штудировал? Вандаба!

– Чо ты ругаешься через слово, как сапожник? Манеру взял, понимаешь! Всё не так. Брабусы-Барнабусы твои на «пиндосов» никак не отреагировали, привычно, видать, им, меня же словцо это весьма заинтриговало. Как, впрочем, заметь, в отличие от... хм... присутствующих, и всё новое, живое. Когда ж вы, говнюки, ни дать ни взять – гусеницы яблонной плодоярки, по саду расползлись, якобы воздухом свежим подышать, а на самом деле фрукты хозяйские хищничать, мы с Галиной Семёновной на веранде уединились. Она с неизменной своею папироской, я с сигареткой...

Некоторое время пожилой немец молча вспоминал, размышлял о чём-то. Задумчиво тёр переносицу, пальцами шевелил. Наконец очнулся, будто бы с забытья, продолжил:

– ...Красота вокруг, лепота-а-а-а! Жердели рыжебокие пухленькие переспелые – вокруг шмяк-шмяк, шмяк-шмяк! Ты не поверишь, в стаканы с чаем норовили упасть! Ну просто самки домашней собаки! Хюндиен⁴⁶, доннерветтер! Руками отбивался! Обожаю, по большому секрету тебе признаюсь, чаёк из стаканов в подстаканниках попивать. С сахар-

---

⁴⁶ От die Hündin (нем.) – сука, самка домашней собаки.

ком, знамо дело, с лимончиком, на ложку дуешь, губы обжигает! Мама Галя, по всему выходит, тоже любительница была. Вот не из чашечек нелепых с блюдечками-вензелёчками, а именно из стаканов. Понимаешь? Причем, заметь, из самых-самых об-нык-но-вен-но-вых, гранёных. Есть в том, видимо, что-то раздумчиво-поездное, такое, вагонско-ресторантовское...

Юра, как ни странно, тоже, подобно многим, питал слабость ко всяческим с незапамятных времен уж почти повсеместно вышедшим из употребления культовым штучкам, как то: старинные бензиновые зажигалки, виниловые пластинки, кассеты магнитофонные, фарфоровые статуэтки, разномастные блюдечки, тарелочки, монетки, марки почтовые, трусики женские. Удивительное дело, да? Совпадение ли, быть может, всех нас в душе тайно влечёт милая сердцу, уютная житейская архаика, судить не берёмся, тем не менее подставки с ручками, обычно металлическими, в кои, по свидетельству ещё самого Дмитрия Николаевича Ушакова ⁴⁷, когда-то вставляли стаканы, блистали в буфете на даче у него изрядным количеством начищенных бочков. Начиная от простейших алюминиевых, неизменных завсегдаев советских ведомственных столовок, и заканчивая изящ-

---

⁴⁷ Дмитрий Николаевич Ушаков (12.01.1873 – 17.04.1942гг.) – русский [филолог](#), один из организаторов [реформы русской орфографии](#), [член-корреспондент АН СССР](#). Известен главным образом как редактор и соавтор одного из основных [толковых словарей русского языка](#).

ными серебряными вещицами из Кубачей ⁴⁸. Даже гжель ⁴⁹ расписная мелодичная с ложечками керамическими в наличии имела. Но самые свои разлюбимые экземпляры надыбал он, проходя лётную подготовку в тихом, до тошноты душевной провинциальном подмосковном городке Жуковском. Там, глубоко в чаще таёжных дебрей славного наукограда, в краю непуганых Знаек-зазнаек, эдаком затерянном мирке динозавров расейского наукообразия, вдали от мирской суеты, попались ему на глаза мельхиоровые безмолвные и одновременно весьма красноречивые свидетели событий дней минувших. Посвящённые некогда юбилеям вождей пролетариата, помпезным вехам в развитии воздухоплавания, космонавтики, грандиозным стройкам коммунизма, иным эпохальным достижениям народного хозяйства и прочего оленеводства, выштампованные в металле отголоски былых великих свершений, никому уже не интересные, сальные, грязные, потёртые, доживали теперь свой век в за трапезном институтском буфетишке. Откуда взялись? Чёрт их знает! Верно, какой-нибудь Гарри Поттер местного разлива тайную комнату с хламом древним хозяйственным распечатал. Хе-хе!

---

⁴⁸ Кубачи – село в [Дахадаевском районе Дагестана](#). Один из крупнейших на Кавказе традиционных центров художественной обработки металла (в частности серебра), а также резьбы по камню и дереву. С раннего Средневековья известен изготовлением кольчуг и оружия.

⁴⁹ Гжель – изделия народной художественной керамики с сочной синей росписью по белому фону.

© Б.Собеседник & Юлия Дин

Галкин

Разумеется, как и у всякого нормального человека, первым же Юркиным неодолимым желанием, естественным образом возникшим при виде такого богатства, было их попросту спереть, но... Увы! К великому сожалению, положение обязывало.

Не пристало, согласитесь, будущему Маршалу Конфедерации, без ложной скромности – воплощению вселенского порядка и законности, мелочь, понимаешь, по карманам тырить! Не комильфо, знаете ли. Ничего не поделаешь, пришлось, тайком уронив скупую мужскую слезу, добровольно расстаться со скудными остатками и без того куцей стипендии. Но оно, други мои драгоценные, уж поверьте, того стоило!

К слову сказать, и недели не прошло с момента, когда счастливый обладатель совковых раритетов, бесцеремонно расталкивая замшелую-степенную учёную братию, с сияющей физиогномией вывалился из столовки, таща охапку общепитовского барахла, как все подстаканники удивительнейшим образом куда-то вдруг исчезли! Испарились! Мистика! Полтергейст! Феномен исчезновения коих, при всём том, разумного объяснения не получил, вследствие чего был признан Явлением Необъяснимым, что и подтверждено документально замначальника института по АХЧ ⁵⁰, скреплено Большой Круглой Печатью, а посему останется непреложным фактом

---

⁵⁰ По административно-хозяйственной части.

на веки вечные.

Мда-а-а-а... Есть, как бы ни были убедительны противники дарвинизма, есть в людях что-то от мартышек. Во-первых, внешнее разительное сходство у некоторых, несомненно, просматривается, а уж обезьянничает-то народ и вовсе почём зря!

– ...Я, видишь ли, Юрка, – продолжал размеренно бубнить Роланд, – паровозом люблю путешествовать и тележками самодвижущимися. Самолёты, дирижбандели там, шары дурацкие, иные воздухоплавательные мудовые рыдания, честно говоря, всегда недолюбливал. Чирей на пятке! Может, клаустрофобия, аэрофобия какие случились со мной в младенчестве, головкой о кафельный пол в роддоме уронили, сказать затрудняюсь. В одном абсолютно уверен: железный птах летать не должен, он же, надо понимать, тя-же-лен-ный! Короче, рождённый ползать, сам знаешь... Вот поезд – совсем другой коленкор! Трюхаешь себе, скажем, из Москвы в тот же Краснодар к Самсоновым, колёсные пары на стыках постукивают – тыгдым-тыгдым, тыгдым-тыгдым, тыгдым-тыгдым. И вдруг! Тыгдыбыды-быдыбы-дыбыдыбым-дыбыдыбым! Чего испереживался-то? Хе-хе! Это мы стрелку проехали, гвоздь в седле! Сидишь, значит, лежишь, размышляешь о том-сём, мастурб... тьфу ты ну ты, яйцы круты! – медитируешь, зельбстфёрштендлищ⁵¹, в такт передвижению. Мимо реки, леса, поля проплывают, по-

---

⁵¹ От selbstverständlich (нем.) – само собой разумеется.

лустанки, грады и веси, а на столике махоньком прикроватном, как в фильмах о войне, – обязательно чай в стаканах с подстаканниками горячий, обжигающий. Сахар по два кусочка в упаковке, мне отчего-то аэрофлотовский запомнился, и незабвенный дежурный ломтик лимона. Стаканчики покачиваются, ложечки звенят, судочки носят туда-сюда из вагона-ресторана. Борщик столовский! М-м-м-м! Вундерба-а-а-ар⁵²! Котлетки общепитовские с пюрешечкой, компотик! Ой-и-и-и! Держите меня семеро, щас ухо тебе отгрызу!

---

⁵² От wunderbar (нем.) – чудесно.

© B.Sobesednik & Julia Dee

Fakie

– Бл*дь, ты достал уже! Опять песнь о жратве завёл, чучело иноземное?! Вы мне это прекратите, гражданин-товарищ Роланд! Я этого не люблю! Я этого так не оставлю, понимаешь!

– ...А ещё обычно курочку варили в дорогу, – ворковал неумный германец, – и бульончик крепкий в термос наливали с собой. Куры в те далёкие времена – не уверен, правда, молодой человек, застали ли? – жирные, наваристые были, не чета нынешним безвкусным задрыгам клонированным.

Знаю не понаслышке, приходится заказывать иногда по праздникам пролетарским. Адскую плоть местных-то птеродактилей вообще прожевать невозможно, сколь её ни вари! – безнадежно махнул рукой. – Фер-р-ргебенс⁵³! Вот ежели, натурально, в мелкий фарш изрубить, тогда другое дело... Только, бывало, поезд тронется, подсядешь к столику, хлебушка нарежешь, сала, огурчик порубишь солёный бочковой, яичко облупишь, курочку холодную распластаешь, точно лягушонку препарированную, рюмочку нальёшь, выпьешь, сальца в топку бросишь... и хорошо-о-о-о! Натюрлиць⁵⁴ гу-у-у-ут⁵⁵! Зе-е-ер⁵⁶ гу-у-у-ут! ...Не перебивай! В Европах так не принято, там кайфа вагонно-жрачного не до-

---

⁵³ От *vergebens* (нем.) – бесполезно, впустую, тщетно.

⁵⁴ От *natürlich* (нем.) – конечно.

⁵⁵ От *gut* (нем.) – хорошо.

⁵⁶ От *sehr* (нем.) – очень..

гоняют. Они там много чего недопонимают, чудачки из Кро-Маньона ⁵⁷! Поэтому мне в молодости завсегда по Союзу больше нравилось разъезжать. Огромная удивительная страна! Нда-а-а... Бульончику в крышку от термоса плеснёшь, а он будто янтарём подёрнут. Зер шён ⁵⁸! Корочку хлебную тудысь – р-р-раз! – обмакнул, и она янтарно-жёлтая делается! А запах, запах-то какой! М-м-м-м! Вундершён ⁵⁹! – вошел-таки в раж злой тевтон, прёт рідна мова без удержу из него, аки иголки и булавки из Страшиловой башки. – С ума сойти можно, крышу сносит! Как слюни-то потекли, сразу же ещё рюмочку – хлоп! Острым огурчиком квашеным занюхал, корочкой бульонною горячей закусул – и ты в дамках, фикиен ⁶⁰ всех в арш ⁶¹! А уж после третьей, как говорится, не закусывая, и расслабиться впору, слюни подобрать, морду потную вытереть, с попутчиками потрындеть. Лучше, безусловно, с попутчицей. Разумеется, с хорошенькой... Гвоздь в седле! Сам-то когда крайний раз на поезде мотылялся куда-нибудь, а, служивый?

– Ну-у-у... – невольно голодно и гулко сглотнул Юрий, поперхнулся, слегка закашлялся. – Грхм, грхм! Честно при-

---

⁵⁷ Кро-Маньон – пещера в департаменте [Дордонь](#) на юго-западе [Франции](#), известная благодаря останкам доисторических людей эпохи верхнего [палеолита](#), названных, соответственно, [кроманьонцами](#).

⁵⁸ От sehr schön (нем.) – очень красиво.

⁵⁹ От wunderschön (нем.) – восхитительно, красотища.

⁶⁰ ficken (нем.) – трахать.

⁶¹ der Arsch (нем.) – задница, жопа.

знаю, давненько не приходилось. Грхм! Со времён Академии, наверное... Уж и не вспомнить. Как-то оно, дружиче, без особой надобности. Конфедеративные Маршалы, ты ведь лучше меня знаешь, вынуждены в основном «психушкой»⁶² пользоваться, по земле же матушке меж пунктами перехода всё больше самолётками, вертолётками предпочитают. Большими да маленькими. Автомобильками ещё спортивными. Когда недалеко. Приходилось, бесспорно, и паровозами ползать... где-то там... – неопределенно махнул рукой, – на Диком Западе... Но то вынужденно. Грхм! Не дилижансом же почтовым! Тоска смертная в пыльной раздолбанной повозке неделями по бездорожью трястись. Уж лучше верхом, можешь мне поверить.

– Как тоска? Почему тоска? Шайссе! А коварные красноежки? А грабители, шерифы, рейнджеры? Дикий Запад – колыбель свободы! Погони, перестрелки, окровавленные скальпы, бар «Сранный Койот»! Уау! Романтика! Неужто всё враньё сплошное?!

– Почему враньё? Это ты, верно, мальчишкой слишком много фильмов с участием Гойко Митича⁶³ посмотрелся. Только там, в них, романтика и встречается... Индейская-прохиндейская... «Охотники за скальпами» Сидни

---

⁶² Психостатическая транспортная система (жарг.).

⁶³ Гойко Митич (13.06.1940 г., Сербия, Югославия) – [югославский](#) киноактёр, режиссёр и каскадёр, знаменит в первую очередь как исполнитель ролей [индейцев](#): [Чингачгук](#) Большой Змей, [Текумзе](#) и многих, многих других. Окончил [Белградский институт физической культуры](#).

Поллака лучше бы посмотрел на досуге.

– С Радичем, Гойко Радичем! О Поллаке не слышал.

– Извини, брат, запамятовал. Всё у вас не как у людей!

– Зато у вас, дрек мит пфеффер, всё как в жопе у...

– На самом деле абсолютно не важно, – властным жестом трактирщик остановлен на полуслове, – Митич, Радич, Бабич или кто ещё, важно другое. Вот скажи, милый друг, много ль рыцарского романтизма в вашем этом феодальном зверинце под названием Свон?

– Да откуда ж, доннерветтер, ему тут взяться-то?! – несколько не задумываясь, выпалил Роланд. – Как обычно в любом мрачном Средневековье – срач вокруг да рвач! Люди в массе своей лишь о том и думают, как бы у кого чего отжать, тут же пропить, прожрать и, соответственно, просрать! – эмоционально вышло, с надрывом, по всему видать, наболело у человека. – И чем выше, заметь, индивид в социальной иерархии, чем властнее, тем, соответственно, извращённее, бесстыже, мерзопакостней его поведение, холи шш-шит! Общество развитого скотинизма, а никакого не романтизма, зар-р-руга! А у вас, что, не так разве?

– Гм! Видишь, как оно оборачивается-то... – полнейшей невозмутимостью своей Юрий, казалось, подначивал собеседника. – На поверку выходит, все они – лгунишки и мистификаторы, эти наши любимые-разлюбимые, будоражащие незрелое детское воображение Конан Дойли ⁶⁴, Скотты ⁶⁵,

---

⁶⁴ Сэр Артур Игнэйшус Конан Дойль (22.05.1859 – 07.06.1930 гг.) – англий-

Сенкевичи ⁶⁶, Дюмы ⁶⁷, Стивенсоны ⁶⁸, Сервантесы ⁶⁹, прочие очковтиратели со своими благородными сэрами Найджелами Лорингами ⁷⁰, доблестными рыцарями Айвенго ⁷¹, туповатыми, приторно-целомудренными Збышками из Богданца ⁷², унд филе, филе андере ⁷³ белыми и пушистыми Дон

ский писатель, автор многочисленных приключенческих, исторических, публицистических, фантастических и юмористических произведений. Создатель классических персонажей детективной, научно-фантастической и историко-приключенческой литературы.

⁶⁵ Сэр Вальтер Скотт (15.08.1771 – 21.09.1832 гг.) – знаменитый британский писатель, поэт, историк шотландского происхождения. Считается основоположником жанра исторического романа.

⁶⁶ Генрик Сенкевич (05.05.1846 – 15.11.1916 гг.) – польский писатель, лауреат Нобелевской премии по литературе 1905 года, автор таких знаменитых романов, как «Крестоносцы», «Камо грядеши», «Огнём и мечом», «Потоп», «Пан Володыёвский» и др.

⁶⁷ Александр Дюма (24.07.1802 – 05.12.1870 гг.) – французский писатель, драматург и журналист, чьи приключенческие романы сделали его одним из самых читаемых французских авторов в мире.

⁶⁸ Роберт Льюис Бэлфур Стивенсон (13.11.1850 – 03.12.1894 гг.) – шотландский писатель и поэт, автор всемирно известных приключенческих романов и повестей, крупнейший представитель английского неоромантизма.

⁶⁹ Мигель де Сервантес Сааведра (29.09.1547 – 23.04.1616 гг.) – всемирно известный испанский писатель, автор одного из величайших произведений мировой литературы – романа «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский».

⁷⁰ Персонаж одноименного исторического роман Артура Конан Дойля, а также последующего романа «Белый Отряд».

⁷¹ Уилфред Айвенго – главный герой романа Вальтера Скотта «Айвенго».

⁷² Главный герой исторического романа Г.Сенкевича «Крестоносцы».

⁷³ От und viele andere (нем.) – и многие другие.

Кихотами ⁷⁴. Короче, туфта всё это! Я правильно тебя понял?
– В какой-то мере, разумеется, правильно! Как же иначе? Если только не брать в расчёт плоские миры, там всякое такое возможно. Филен данк ⁷⁵, к слову, за родную речь и зачёт по немецкому. В общем, хорош уже прикалываться, Юр, давай-ка по серьёзному. Тебе ли не знать?! Вместе ведь при Грюнвальде-Танненберге столовались! Да и при Равенне ⁷⁶ публика суровая подобралась, мягко говоря, не барышники кисейные попиз*ить у завалинки встретились. Все ровны, как на подбор, – профессиональные убийцы, насильники, мародёры, с ними дядька Гастон ⁷⁷ – Черномор! Хм... Рыцари без страха и упрёка, сорвиголовы, орлы! Одним словом – сборище конченных подонков, фикиен их всех в арш! – на том запал и кончился, призадумался германец, репу зачесал. – Да-а-а... Збышка твоего сейчас уже, ясный пень, не припомню. Невысокого, видать, полёту гусёк был... Гвоздь в седле... В остальном же абсолютно вменяемые, адекватные ребята показали мне эти поляки: Повала, Пашко, Зындарм, Зигмунт... Помнишь, со злыми чехами из-за шлюх в

---

⁷⁴ Главный герой романа Мигеля де Сервантеса «[Хитроумный идалго Дон Кихот Ламанчский](#)».

⁷⁵ От vielen Dank (нем.) – большое спасибо.

⁷⁶ Битва при Равенне (11.04.1512 г.) – главное сражение Войны Камбрейской лиги 1508 – 1516 гг.

⁷⁷ Гастон де Фуа ([10.12.1489](#) – [11.04.1512](#)гг.) – племянник короля [Людовика XII](#), командующий французской армией в [итальянской кампании 1511 – 1512 годов](#).

кабаке схлестнулись? Грешным делом, думал, кирдык нам, до смерти избыют! Собирался уж было подлые приемчики секретные применять, зарруга! А мог бы и спалиться. Да-а-а... Уберегло, хвала Вааглу! Всем в итоге на орехи досталось, но ляхи – молодцы, вписались тогда за нас. С базовыми инстинктами – нормалёк у них. Всё как у людей: пожрать, бухнуть, тёлку завалить, в морду дать кому-нибудь. Вера в Бога, естественно, повальная, но боле никаких там высоких идеалов. Бражничать, девок портить, мародёрствовать всегда приветствовалось. Зато бойцы классные! Сдюжили, сломали через колено тевтонскую военную машину! Это вам не хухры-мухры, это, между прочим, дорогого стоит! Не каждому войску под силу, вандаба-гааш! Мне, правда, не больно-то удобно было супротив земляков своих корячиться... Короче, в каждой эпохе, старичок, совершенно определённые жизненные приоритеты превалируют. Иначе не выжить. На дыбу ведь запросто угодить или ещё куда похуже. И здесь, сам понимаешь...

– Битте зер ⁷⁸! Понимаю, но и ты должен понимать. Сказочек о милосердных цивилизованных индейцах, типа благородного семейства Чингачгуков ⁷⁹, небось у Фени Купера ⁸⁰

---

⁷⁸ От *bitte sehr!* (нем.) – Пожалуйста!

⁷⁹ Чингачгук Великий (Большой) Змей – «благородный дикарь», герой ряда литературных произведений американского писателя, классика приключенческой литературы Джеймса [Фенимора Купера](#), происходящий из племени [североамериканских индейцев](#) – [могикан](#).

⁸⁰ Джеймс Фенимор Купер ([15.09.1789](#) – [14.09.1851](#)) – американский писа-

начитался? Или не знаю, как там у вас его кличут...

– Чего отпираться-то, у него, у Купера.

– Так вот смею тебя уверить, нравы Дикого Запада мало чем от свонских отличаются. По крайней мере, в плане человеколюбия. И, чтоб ты понимал... гм... романтизма, соответственно, столько же. Уж поверь, я был там.

– Как же это? Времена-то разные, даже эпохи...

– Немного перефразируя Гераклита, примерно так: все течёт и движется и ничто не пребывает, лишь нравы людские неизменны. Уяснил? ...Нет? Ну-у-у...

– Слушай, старик, что ты всё «нукаешь»? «Ну» да «ну», а к чему, почему – не пойму! Запряг, что ли?! Хм! Тоже мне, взял манеру идиотскую!

– Смир-р-рна! Стоять, бояться, отставить перебивать! Ты вот, брателла, хмыкаешь постоянно идиотски-многозначительно, я же при этом молчу, не зубоскалю?! Так имей, пожалуйста, уважение! Ну-у-у... – будто специально в воспитательных целях косноязычно протянул Маршал. – Вспомним... Ну вот хоть бы сцену в варьете из «Мастера и Маргариты» Булгакова. Ему-то ты веришь?! ...Да? Значит, не всё ещё потеряно! Хотя лично я от этой вещицы, на морфии густо замешанной... мягко говоря, не кайфую... Больно попсовая, мейнстрима многовато... Ну ты не очень-то фрякай, а то сейчас как дам ногою по грудям! Это моё личное субъективное мнение! ...Да, да, карты, денежный дождик,

отрывание голов, фетишисты, всё такое прочее, и знаменитое воландовское резюме напоследок: «...обыкновенные люди... в общем, напоминают прежних... квартирный вопрос только испортил их...». Вот и мы о наболевшем квартирном вопросе. Всего-навсего иные аспекты постоянства нравов... – Юрий неспешно подбирал нужные слова. – Должен сказать, и те и другие, имеются в виду белые переселенцы и индейцы, – отморозки редкостные! Жестокие, беспощадные, весьма-весьма охочие до чужих баб, лошадей, огненной воды и абсолютно беспринципные, когда дело касается пригоршни-другой долларов. Оговорюсь, рассматриваем, разумеется, не осёдлый люд безропотный: белых, негров, китайцев, краснокожих – без разницы, им, колхозникам, всегда несладко жилось, а лишь тех, что по прериям в поисках лёгкой наживы гоцают. Много там лихого люда, дофигища! Потому-то мы, Маршалы, грёбаными дилижансами и не пользуемся. Зачем, скажи на милость, лишней неоправданной опасности себя и, соответственно, дело государственной важности подвергать? К тому ж медленные они зело, а в нашем деле, брат, скорость, оперативность иной раз решающее значение имеют.

Здесь Юра умолк, как бы пасуя, предлагая собеседнику проявить инициативу, возможно, перевести беседу в иное, более занимательное русло, но... Увы! Мяч так и остался лежать нетронутым на слегка примятом газоне. Делать нечего, окончательно разуверившись в своей затее, всосал с

расстройства изрядное количество сомнительной свежести пива, страдальчески поморщился, прокашлявшись, продолжил:

– Грхм! И потом мы вроде беседу задушевную с Оли Бобкиной начали, точнее с причины отсутствия у тебя, красивого, сигарет, бубёныть! Или мне послышалось? Элементарный, казалось бы, посыл, да? А нагородил-то, наворотил – не просрать! И мусаку вспомнил, и индейцев, и Грюнвальд, и этого... как его... О, Гумбольдта Вильгельма Ивановича! Съел? ...Гумбольдт, Хумбольдт, какая разница?! Да хоть Шмумбольдт, бл*дь, только в печь не суй! ...Не знаю, ваше высокобродь, что ты там подумал, думал ли вообще, и как в вашей этой... Фатерляндии принято, но у нас, в России, традиционно в печь горшки суют, а не органы детородные! ...Галине Семёновне незабвенной, опять же, дифирамбы пел, пел – не допел, теперь вот о поездах, борщиках, бульончиках какую-то хренотень, должно отметить, весьма аппетитную, выдумал! Грхм! Тебе волю дай, ты нам сейчас до кучи ещё и обо всех своих многочисленных обласканных барышнях песни военные споёшь. Знаем мы тебя! Хорошеньких, страшненьких, охваченных, неохваченных, всяких. Давай-ка лучше напрягись, братан, по существу! – вновь шумно сглотив, плотоядно покосился на собеседника. – Закончи хоть бы одну мысль, а то жрать снова почти уже охота. Надеюсь, после крыс закусить чего-нибудь осталось? Проходил мимо, не обратил внимания, случаем?

Меж тем в редкие минуты успокоения души скучал, конечно же, наш неугомонный Маршал, как, впрочем, и все нормальные люди, по обычному неспешному существованию, когда без всякой суеты, бестолковых хлопот и нерво-трёпки позволительно себе вот так по-человечески отправиться в путешествие на теплоходе, к примеру, от Москвы до Астрахани и обратно, дышать свежим волжским воздухом, посетить города славы русской, дивиться колокольням посередь морей глубоких, любоваться закатами в калмыцких степях раздольных или прокатиться на досуге, скажем, через всю страну на суперскоростном Восточном экспрессе, погостить недельку-другую в стольном городе Пиньине.

Бытует достаточно расхожих мнений в отношении понятий «жизнь» и «движение». От утверждений, назовём их для простоты понимания безапелляционно-функциональными, вроде: «движение это жизнь» или «жизнь это движение», что, кстати, согласитесь, отнюдь не равнозначно и вовсе не лишено смысла, до обывательски-спинальных, в различной степени коррелирующих друг с другом измышлизмов типа: «пешком от инфаркта», «бег от смерти», «бег от депрессии», «бег от целлюлита», далее по нисходящей: от любвеобильной тётки, сварливой жены, злых кредиторов, чернобыльских мутантов, бешеной лисы Алисы, котища лишайного – Базилио, обнаглевших вкрай клопов-говорунов, муравьёв Ферд, Левшой подкованных вшей, блох, инфузорий грязных красных туфелек, вирусов-колобусов и прочей, про-

чей ахинеи.

Или вот ещё из перлов: «Наука – двигатель прогресса!». Не торговли, нет? Быть может, движитель? Как правильно? Что такое прогресс, и как его вообще куда-то двигать? Выходит, и задвинуть не грех? Задвигаем ведь эпизодически дружененько всей страной! Хе-хе! Мы же все всё знаем, всё понимаем и умеем. Особенно на кухне за рюмочкой. Семь классов прошли, ни в одном не задержались. Коты-хвастуны! Бакалавры, магистры, желторотые великие специалисты – молодые министры, советники бездарные, гааш! Ещё сам Лев Николаевич об этом говорил: «...Когда он сделался министром, не только все зависящие от него, а зависело от него очень много людей и приближенных, – но и все посторонние люди и он сам были уверены, что он очень умный государственный человек... Оказалось, что в нем ничего не было отличающего его от других малообразованных, самоуверенных чиновников, которые его вытеснили, и он сам понял это, но это нисколько не поколебало его убеждений о том, что он должен каждый год получать большое количество казенных денег и новые украшения для своего парадного наряда...».⁸¹ К тому ж сомнений ни у кого ни в чём нет, ну вот нисколючко! Соответственно, и успехов – на понюшку табаку не наскрести. Потому-то в силу кажущейся простоты и избыточности темы, во избежание ненужных словоиспражнений, думаю, не стоит особо заострять на ней своё драгоценное вни-

---

⁸¹ Л.Н.Толстой, «Воскресение».

мание, лишь слегка коснёмся одной, на первый взгляд, несущественной, но интересной, как представляется, её частности – «жизнь в движении».

Отчего-то в голову сей же момент лезет всякая чепуха в образе немолодой уже, стройнящейся леди с усталым, невыразительным, слегка помятым спросонья лицом, каждое буднее утро в слякоть и грязь, дождь и мороз, зарядив в наушниках бодрую попсу, с упорством, достойным куда лучшего применения, нарезающей километры постылой набережной Яузы, на бегу заполняя лёгкие бодряще-веселящей смесью выхлопных газов, пыли и паров противогололёдных реагентов. Куда? Зачем? Бог её знает... Бежит, между прочим, неграмотно – пятки вместе, носки врозь, зато в понтовом розовом с блёстками костюмчике от Адольфа Дасслера ⁸². Стопу слегка вовнутрь надобно ставить, милочка, дабы большой пальчик ноги нагружен был и правильно работал! И ножку тянуть! Изящно, легко! Тянуть ножку, зарруга! Тьфу! Глаза б не глядели, бёдрами вихляет, точно кар-р-роста дефилирует! ...И никакие мы не женоненавистники! С чего вы взяли, право слово? Ну, хорошо, хорошо! Пушай, для разнообразия, джентльмен окорочками теперь вихляет в голубеньком костюмчике от того же сапожника Ади или, положим, кон-

---

⁸² Адольф (Ади) Дасслер (03.11.1900 – 06.09.1978) – простой немецкий сапожник, ставший всемирно известным предпринимателем, конструктором и производителем спортивной обуви, основатель компании Adidas.

курента его, брата старшего, Руди ⁸³. Не возражает.

Аналогичное, к слову, недоумение вызывают и настырные бичиклетисты, бичиклетоны ⁸⁴, бодро мечущиеся в плотном потоке уныло плетущихся автомашин. Тоже свежачком выбрались подышать? Молодцы, приветствуется! Так держать, паны спортсмены! В парке, скверике, на стадионе ещё допустимо как-то все эти дефиле понять и простить, но там же нам неинтересно, там же нас не зрит никто! Э-э-эх! Ничего не поделаешь, приходится ради публики великосветской всяку гадость вдыхать и глотать.

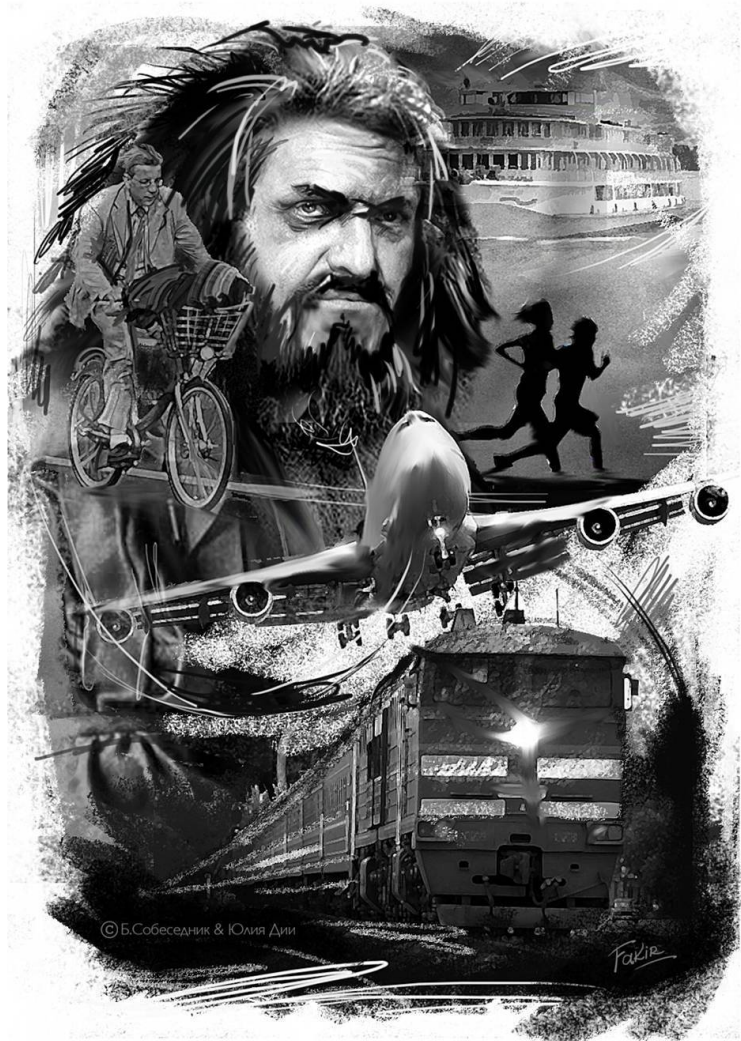
Помню, в садике детском любила детвора, чего греха-то таить, выхлопы автомобильные нюхать. Соберёмся, бывало, дружную компашкой младшегруппников вокруг старенького «Запорожца»... М-м-м-м! За уши не оттянешь! Давно это было... Потом клей в моду вошёл. Особой популярностью столярный пользовался. Редкостная гадость! Ещё битум жевали и лыжную мазь. Вкуснотища-а-а! В седьмом-восьмом классах портвейн молдавский розовый заборокрасительный для себя открыли, сигареты «Партагас» распробовали. Ужась до чего термоядерные! Мало кому ведь удалось удачно соскочить, большинство ныне курят и бухают. Только тс-с-с-с! Никому ни слова! Кто-то даже, к несча-

---

⁸³ Рудольф Дасслер (26.03.1898 – 27.10.1974) – немецкий предприниматель. Основатель фирмы по производству спортивных товаров [Puma](#), старший брат основателя фирмы [Adidas](#) – [Адольфа Дасслера](#).

⁸⁴ От *bicicletta* (итал.) – велосипед.

стью, на коксу подсел, есть и такие, страшно подумать! – на герыча!

© Б.Собеседник & Юлия Дини

Факир

Некоторые же до сих пор вот просто нюхают. Идут и нюхают, крутят педали и нюхают, живут и нюхают. Маньяки какие-то, честное слово! В общем, бежать нужно из больших городов, милостивые государи, государыни мои. В деревню, к тётке, в глушь, в Саратов ⁸⁵! Короче говоря, дабы избежать дальнейших нездоровых подобных ассоциаций, слегка уточним предмет нашего обсуждения и попробуем определить его как-нибудь иначе, к примеру: «жизнь во время движения» или, ещё точнее, – «жизнь в передвижении». Смекаете, к чему клоним? Да, да, догадливые вы наши! – к вопросу о путешествиях.

«Путе – шествовать», шествовать в пути либо по оному. Казалось бы, идеальный вариант – по старинке, пешим ходом, не правда ли? Однако, при всём при том, согласитесь, теряется всякий смысл сказанного, поскольку в данном случае имеет место в основном занудливое пыльное передвижение и лишь чутка, в минуты кратких привалов, – она, жизнь. Следственно, не путешествовать в буквальном смысле, а разъезжать, странствовать нынче всё боле нам приличествует, и не пешкодралом, стало быть, но, разумеется, и не на чём попало. И уж никоим образом не в аэроплане!

Какое же это, сами посудите, путешествие приятственное, когда любая самая малейшая дрожь в крылышках, ямка воздушная, теплящийся где-нибудь в двигателе проказник-ого-

---

⁸⁵ А. С. Грибоедов, «Горе от ума».

нёк, не приведи господи, непогода, громы-молнии за окошком к панике внутренней, смятению душевному приводят, а?! Сидят милы человечки взаперти всем гуртом, будто опарыши в чреве рыбыны диковинной, глаза выпучили, ни живы ни мертвы, в подлокотники кресел спасительных вцепились, аж костяшки пальцев побелели! Плавали, знаем! Не дай боже, турбулентность ещё какая серьёзная на пути следования образуется, некоторые тут же под себя мочатся со страху! Лишь девочка в бизнес-классе, по издревле сложившейся традиции, уста младенческие широко разверзнув, истину глаголет дурниной: «Папа просил передать вам всем, что театр за-кры-ва-ет-ся!!! Нас всех тошни-и-ит!!!»⁸⁶

И нет в том ничего зазорного, постыдного, ибо ни остановиться, ни передохнуть, ни выйти по необходимости, ни воздуха свежего глотнуть. Пакетики, на крайняк, специальные предусмотрительно каждому пассажиру уготовлены. Ура, последние поблёвышки! Кайф? Дык не пакетом единым гигиеническим жив человек! Нету, понимаешь, стоп-крана в аэроплане, форточек тоже нету, галюон один на всех и толчки низкие, на психику давит! Разве ж то жизнь? В тюрьме, уж извините за сравнение, и то в чём-то комфортнее, хоть форточки в камерах имеются! В остальном же всё довольно схоже, единственно, материалы отделочные менее качественные. Хотя... Это ещё поглядеть надобно, в какой-такой тюрьме. Ежели в норвежской, датской или, к примеру, гол-

---

⁸⁶ Д. И. Хармс (Ювачёв), «Неудачный спектакль» (с измен. автора).

ландской, так и вовсе не факт, что в ином раздолбанном расейском многоместном кукурузнике интерьер лучше. Вот и выходит не путешествие, а самое что ни на есть хоть и кратковременное, но заточение, усугублённое ко всему прочему невыносимо долго тянущимися часами тягостного ожидания... хм... мягкой посадки.

К тому ж не стоит сбрасывать со счетов и братка-супостата, разбойничка лихого, коварно притаившегося за кочкою болотной с дружком своим закадычным – Бяком. Нет, постоите-ка, что-то здесь не так... Может, Быком? Фрёкен Бокком? Просто Бокком? Каким: левым или правым? На спинке, на животике? Неужто рачком?! Гм! Кто о чём... Совсем память ни к чёрту! Призадумаешься тут. Нда-а-а... Буком! Конечно, Буком! По паспорту – «Бук-М1», кажется... Бьют, правда, в подобных случаях не по паспорту. Та-а-ак... Что там на очереди-то? Ага! Автомобильки, значит...

По своей идеологии, на наш взгляд, весьма близки к мотоциклистам, рикшам, осликам, прочим гужевым и не очень участникам дорожного движения и, как это ни странно, к велосипедистам с пешеходами. Оттого-то, наверное, завсегда меж ними жуткий антагонизм наблюдается! Хе-хе! Никак асфальт поделить не могут. Бьются, бьются и бьются! Безостановочно! Смеем, однако, утверждать, что все вышеперечисленные средства передвижения, включая, разумеется, и автобусы, мало приспособлены для продолжительных вояжей, коль скоро у вас не дом на колёсах, а за рулём кривляетесь

– вы, собственной персоной. Ибо важнейшие образующие настоящего, будем говорить, правильного странствия – это, с одной стороны, определённая свобода действий, позволяющая чувствовать себя достаточно комфортно, как то: ходить-бродить, есть-пить, курить, спать, чистить зубы, флиртовать с женщинами, бесцельно валяться, газету читать на унитазе и всё это, заметьте! – в процессе непрерывного движения к конечной цели путешествия. С другой – некоторая подневольность, заключающаяся в безусловном следовании к той самой цели.

Скажем так: «по рельсам» – в переносном и, вполне допустимо, буквальном смысле. Подневольность, разумеется, не столь однозначная, нежели в самолете. Какая-то вариативность, согласитесь, всегда для самоуспокоения присутствовать должна. Тормоза, к примеру, остановки, полустанки, пристани, порты, вокзалы, наконец. Помните? – «Постой, паровоз, не стучите, колёса, кондуктор, нажми на тормоза-а-а!». Всегда ведь есть маза послать всех куда-то глубоко в арш, дёрнуть стоп-кран, сойти во чистом поле, удариться оземь и рыдать от счастья, что спустя пару часов нас не окажется под обломками сошедшего с рельсов состава. Никто и никогда, правда, в здравом уме подобного не исполнял, только в кино, но... Именно такой качественный синкретизм, сочетающий более-менее человеческие условия пребывания с пусть и абсолютно иллюзорной, но всё же какой-никакой возможностью влиять на собственную судьбу,

без сомнений, способствует умиротворённо-рассудительно-му, в чём-то медитативному, правильному настрою путешественника на, собственно, само путешествие.

А какая, скажите пожалуйста, в малолитражке, переполненном автобусе или, ещё веселее, – в кузове грузовика-рефрижератора может быть свобода действий? Смешно, господа! Чтоб, значит, одному пассажиру нужду, извините, малую справить, всем тормозить приходится. И не надо лишних слов насчёт автобусов – туалеты, как правило, в них не функционируют! Тампоны, знаете ли, всяческие им мешают, прокладки, иногда целые памперсы. О как! Подытожив вкратце, позволим себе предложить вашему вниманию следующий тезис: всецело предаваться благостному восприятию проплывающих мимо красот кайфово лишь в некоей гармонии с заведённым положением вещей, максимально вне зависимости от сиюминутных закидонов и прихотей окружающих. Вот наконец-то и подобрались мы вплотную, братья, сёстры ненаглядные мои, совершенно, прошу отметить, естественным и непринуждённым путём, к столь любимому бундесовым желчным старикашкой средству передвижения, наиболее, кстати, и на наш неискушённый взгляд предпочтительному для странствий с удобствами, а именно: поезду и чуть менее подходящему в силу безусловной конструктивной схожести со своим печально знаменитым прапрадедушкой – «Титаником» – кораблям, яхтам, катерам, матрасикам надувным, прочим водоплавающим. Достойная

жизнь в процессе передвижения на оных вполне, вполне возможна.

И можете теперь сколь угодно с пеной у рта обкричаться, что самолёт – самый быстрый и комфортный вид транспорта, фига с два кто в душе с вами чистосердечно согласится! Быстрый – без сомнения, для жизни же, кто бы что ни говорил, абсолютно неприспособленный. Так... Шмыг туда, шмыг сюда... В общем, баловство одно, никакой вдумчивости, можно сказать, основательности.

– Извольте! Пожрать принесут, только свистни! ...При чём тут крысы? Здесь вам не тут, между прочим, здесь вам приличное заведение! ...А-а-а-а, шутить изволите! Так бы сразу и сказал! Шутник, бл*дь... Ты что, старик, реально голоден? Серьёзно?! – привыкший по понятным причинам к вынужденной сдержанности в еде, Роланд искренне недоумевал. – Честное пионерское? Да вас, батенька, проще отравить, чем... Закончу-ка я сперва, с твоего высочайшего соизволения, добро? Спасибо, к слову, что напомнил про мысли мои путаные о Галине Семёновне. Та-а-ак... В конце же концов, торжественно обещаю и клянусь, дойдет и до тебя, жирафа лабытнангского, тончайшая... хм... кармическая связь промежду мамой Галей, мной, Губкой Бобом и отсутствием у меня в данный конкретный момент сигарет. Без которых я жить не могу!!! – взвопил вдруг и тут же затух. – Это всё к чаю, вместо сладкого. Не возражаешь? Хвала Вааглу, а то, глядишь, расплакался бы с расстройства! ...Почему лабыт-

нангского? То ж крупнейший жирафий заповедник в Европе. ...Не в курсе? ...Всё, кстати, твои дурацкие подстаканники!

– Мои?! Не оборзел ли ты, брат? Я разве вслух? Подумал всего лишь... Хватит мне здесь голову морочить, фокусник недоделанный! Это ты со своей жрачкой... этой... как там её... вагонско-ресторантовской, о! Разводилово дешёвое!

– Ладно, ладно, старик, поприкалывались и будет. Слушай лучше дальше о нас с Галиной Семёновной, не то мы так никогда и не закончим. На веранде, значит, если мне память не изменяет, уединились мы, да? Слава богу, нашлись! А вокруг нас как раз те самые курочки суповые домашние упитанные, осоловевшие от изобилия сладостной халявы, лениво переваливаясь с бочка на бочок, ходили-бродили там-сям, поклёвывая задумчиво-философически, и неслись прямо в жирный чернозём. Аромат акации, разливаясь в прохладе вечерних сумерек, перемешивался с дыханием цветущих роз, иных разнообразнейших медоносов, прочей остывающей тучной пряной зелени и, проникая через лобные носовые пазухи глубоко-глубоко в сморённый сытной трапезой мозг, окутывал сознание вуалью сантиментальности, пробуждая ностальгически бесплодное мыслелбудство...

«Пророчат осени приход

И выстрел в отдаленье,

И птицы взлёт среди болот,

И вереска цветенье,
И рожь, бегущая волной, —
Предвестье урожая,
И лес ночной, где под луной
Я о тебе скучаю...»⁸⁷

– Охохошеньки хо-хо! А вы, батенька, оказывается, знатный рифмоплёт! Цветик-приветик! Скучает он, понимаешь! Сам-то понял, чего сморозил? Выстрел ещё какой-то...

– Да было б тебе известно, чудище-ракузище безграмотное, автор сего стихотворения ни на йоту не твой покорный слуга, а замечательный шотландский поэт Роберт Бёрнс!!! Заслуженный, осмелюсь утверждать – народный! Настоящий! Не какая-то там второразрядная самогонка, именуемая в простонародье скотч виски, – фикиен тебя! – и не обоссанный, застиранный до дыр килт⁸⁸ есть истинные символы Шотландии, улавливаешь?! Но Поэт! Поэтище! Певец наро-

---

⁸⁷ Р. Бёрнс, «Конец лета», пер. С. Я. Маршака.

⁸⁸ Килт – традиционная одежда горцев Шотландии. Представляет собой плиссированный кусок ткани, обёрнутый вокруг талии и бёдер, грубо говоря – мужская юбка.

да! – Рола явно так и подмывало добавить ещё что-нибудь откровенно нетолерантное, виктимное, но, будучи всё-таки человеком благоразумным, к тому же значительно старше своего собеседника, вовремя одумался. – Не перебивай, пожалуйста. Сколько уже об том просить? Вникай, шалопут! Мнэ-э-э... – обстоятельно поковырявшись в носу, страдальчески гримасничая, выдрал оттуда изрядный клочок шерсти и, с удовлетворением исследовав, бросил в камин. – Нда-а-а... Бражники барражировали, значит, цикады звенели оголтело. Да так задорно, близко, что вздумалось, словно в детстве, попытаться изловить хоть бы одну. Сходил, искал в ветвях, листве. Как всегда – безрезультатно. Великое множество шевелюнок насекомых весело хрущали, жужжали, скрежетали, шелестели, не нарушая притом всеобщей умиротворённости погожего тёплого августовского вечера. Словом, вечный кайф! Тогда-то любопытство моё и было полностью удовлетворено с томиком Чехова в руках под милым архаичным зелёным абажуром, поросшим местами редкими, чудом сохранившимися ободранными кистями. Сначала о пиндосах поговорили, затем о бренности и ничтожестве, о бесцельности жизни, о неизбежности смерти, о загробных потёмках и прочем, прочем, прочем...

– Эй! Эй! Эй! Остановись уже, песнопевец... хм... эвфуистический! Оля Бобкина-то здесь при чём?

– Ага-а-а! Чирей на пятке! Интересно стало, да? Слушай сюда! Помнишь наши традиционные школярские оргии с

буфетом и прекрасными вакханками? Самое начало осени, тепло ещё, снимали какой-нибудь захудалый пансионатишко, день рождения курса, посвящение в студенты, всё такое... Надо ж однажды было такому приключиться, ближе к концу пьянки, значит, когда все накирялись уже изрядно, подъехала мадам Оля ко мне на хромой кобыле. Так, мол, и так, хочу секса с вами! О как! С места в карьер! Шайссе! Хочу и всё тут! Вы с Жанкой к тому времени пару часов уже варакались где-то в куширях, вандаба! Короче, скучалось мне. В выпускной год сие знаменательное событие произошло, как сейчас помню. Не то чтобы студенток хорошеньких мало тусилось, скорее наоборот! Так уж вышло, просто рядом экземпляров достойных не оказалось. Ни души, хоть ты тресни! Одиночество, скажу я тебе, старичок, пусть и весьма кратковременное, – жутко тяготящая штука! Особенно глубоко подшофе. Любой живой душе возрадуешься! Хоть кошечке-хромоножке, хоть таракашечке! Ну... Сбегал твой покорный слуга в корпус за одеялками и вдул ей, так сказать, от нечего делать, разочек чёрт-те где за теннисными кортами, в кустиках. Думм моя копф! Ближе, сам понимаешь, все тёплые местечки заняты были. Тобой же и тебе подобными, зарруга! Ничего, между нами, мальчиками, хорошо пошло, вертлявенькая шикса оказалась, ласковая. И вот, значит, когда лежали, отдыхали мы, звёздное небо разглядывали... Я, чего греха-то таить, наверняка еще трахнул бы девушку разок-другой-третий... четвёртый... спяну-то, а там, гля-

дишь, будучи человеком честным, порядочным, сдуру и женился б! Как тебе раскладец, а? Вандаба! Всё одно, почти сразу командировка светила длиною в целую жизнь... Так оно впоследствии, кстати говоря, и вышло, сам видишь. Э-хе-хе! – вздохнул Роланд с облегчением. – Кабы бестолковка о мусаке бодягу не завела... Мол, тем самым летом, когда, по всему выходит, мы пыль на полигонах раскалённую глотали, оне с подружками в Греции в рекреациях прохлаждались. В общем... Слово за слово, значит... А сиськи, отдадим должное, классные у неё, большие, крепкие! Стал взбухать у меня потихоньку, примерился было снова уже на тётеньку залезть... Тут-то Оля о любимом своём греческом блюде – мусаке, о запеканке картофельной с мяском мне и поведала! Я вначале вежливо так подправил – позвольте-с, позвольте-с, мадам, то ж баклажаны! Она – ну ни в какую! Вспомнилась мне сразу Галина Семёновна, фраза её эпохальная. Вдохновило! Снова в бой – позвольте-с, мадам, вы не правы!! Она снова – ни в какую! Упёрлась, кусок баранины, что твоя ослица Буриданова! Шайссе! Нашла коса на камень! В результате милого обсуждения ейных греческих каникул, переросшего, как зачастую меж фордыбаками ⁸⁹ бывает, в бранную перепалку, послал я госпожу Бобкину на х*й открытым текстом и свалил с гордо поднятой головой, бросив, к стыду своему, каюсь, расстроенную голую женщину на произвол судьбы, ночью, вдали от родного дома, фактически ведь по-

---

⁸⁹ Упёртый, капризный, привередливый человек (прост.).

середь дремучего тёмного леса. Пусть и не красавицу, но всё ж женщину! Говнюк, одним словом! Дрек мит пфеффер!

– Вот уж говнюк так говнюк, бубёныть! Всамделишный, без подмесу!

– Сам знаю! Поутру протрезвел, значит, опомнился, да а-а-а... Со всех ног, сколь мочи, бросился было на поиски туфельки хрустальной, дабы извиниться за поведение своё свинское непотребное. Куда там! Видать, той же ночью и сбегала в тыкве своей принцесса. Курва матка боска!

– Всё равно непонятно...

– Тормоз ты, Юрка! Где она сейчас трудится?

– Я же сказал – где-то по хозяйству.

– А точнее?

– Чёрт её знает! Как-то не интересовало меня.

– Вот-вот! А трудится девушка, к твоему сведению, в Управлении технического обеспечения и снабжения. В частности на ней всё трансграничье. И здесь не повезло зайчику. Трансграничье – закрытая зона. Никаких тебе командировок, пикников, увеселительных поездок. Скукотища! Всё строго по Инструкции. Положено дважды в месяц грузы технические отправлять – будьте любезны! Не положено – хрен вам в нос вместо сигарет! Всякие там нормативы, экономия электричества, энергии перехода, прочая шняга... Ну... Кому-то в порядке исключения, может, чего-нибудь дополнительно и перепадает. Гм! Уверен, что перепадает! Только не мне, сам понимаешь.

– Что, не простила до сих пор?! Впечатлительная девушка! Злопамятная, бубёныть!

– Знаешь... Чего уж тут... Ещё пару-тройку раз на большую мозоль наступал ей... Случайно, гадом буду! Язык мой – враг мой!

– Тогда, пожалуй, понятно... В двух словах объясниться можно. Нагородил-то, нагородил!

– А попиз*ить?! Скучно же!

– Дел, что ли, нет других? Болтун – находка для шпиёна!

– Какие ещё шпиёны? Зарруга-гааш! Разве что гемурские. Перекурить бы, как считаешь?

– Ладно, закуривай, бедолага! «Сержантский «Кэмел». Настоящий, без фильтра. Насколько помню, твои любимые... Постой, здесь вроде табака покамест ещё не знают? Вдруг увидит кто? Или унюхают?

– Унюхают? Ты смеёшься? Добавим ко всему этому жуткому смраду немного запашка благородной смеси турецкого и вирджинского табаков. Никто и не заметит в общем букете, будь спок! Угощайся, брат.

– Спасибо, не курю. Бросил.

– Твой выбор. А я вот никак, – Роланд наконец-то длинно затянулся, медленно-медленно выпустил дым, ещё затянулся, и ещё, некоторое время безмолвно блаженствуя с закрытыми глазами. – Ка-а-айф! Два дня без курева. Альбтраум! Ты лучше бы покурил, дружище, ибо непонятно, сможешь ли когда-либо ещё это сделать.

– Хватит уже загадками говорить! В чём дело-то?!

– Дело в том, что никакой ты не Претон, мать твою! – взорвался внезапно собеседник, даже глаза непривычно нервно заблестели. – Никакой грёбаной не королевы! Зарруга! Ты – вообще никто и звать тебя никак! Вернее, конечно же, кто – Юрий Иванович Ширяев, вот кто! Конь в пальто! Аж цельный Маршал Конфедерации! Ах-ах-ах! Только здесь, позволю себе утверждать, всем насрать, чтоб ты знал, кто есть такой Маршал, куда он пошёл, зачем... Ни почёта тебе, ни уважения, ни одного маршальского офиса, где впору было бы вот хоть такусенькую малипусенькую боевую группу быстрого реагирования на всякий пожарный держать! Тебя что, не предупреждали?!

– Хорош орать, успокойся уже! Тише! Давай по порядку.

Воцарилась необычайная тишина. Такое впечатление, что в соседнем помещении закончился киносеанс. Отлучившись на пару минут куда-то в темноту, Рол благополучно вернулся, сел напротив, положив рядом два коротких меча в ножнах.

– Что это ещё? Зачем?

– На всякий пожарный. Мои кацбальгеры ⁹⁰! – погладил ножны, в голосе нотки затаённой гордости. – Если помнишь, я умею с ними обращаться!

---

⁹⁰ Кацбальгер (нем. Katzbalger – кошкодёр) – короткий меч для ближнего боя с широким клинком и сложной гардой в форме восьмёрки. Также известен как ландскнехта.

– Ничего не понимаю!

Снова дали кино. Публика в зале зашебаршилась, загалдела, стало спокойнее на душе.

– Сейчас поймёшь! – самообладание вернулось к говорящему. – Видишь ли, Юра... Хир ист, дружище, мюль вендунгн ⁹¹... Ты дядя взрослый уже, миссия у тебя не первая, дай бог, не последняя, сам прекрасно должен понимать, что к чему. По Инструкции к моменту прибытия какого-либо агента в пункт назначения, то есть в данном конкретном случае сюда, в Свон, у меня, как принимающей стороны, на руках должно быть собрано буквально всё, до самых несущественных, казалось бы, мелочей, железобетонно обеспечивающее его легенду. По идее, вернее, всё по той же Инструкции, любой вновь прибывший должен выйти из камеры перехода уже полностью экипированным, всецело мотивированным, заряженным, будем так говорить, на выполнение основного задания. Ничто не должно ему воспрепятствовать! Я же всего-навсего призван осуществлять техническое обеспечение, сопровождение соответствующих психостатических процессов доставки в этот мир, к примеру, тебя, красивого, и, быстренько снабдив всем жизненно необходимым, обязан максимально оперативно выпроводить за пределы пункта перехода. Обязан! Догнал? Потому как от стабильной работы этого самого пункта пресловутого зачастую жизни человеческие зависят, результаты кропотливой работы огром-

---

⁹¹ Hier ist Müll wendungen (нем.) – Здесь такая фигня получается.

ного количества людей. Ты торчишь в рабочей зоне уже без малого сутки! Вандаба! Я работать не могу!

Юрий, несомненно, знал Инструкцию. Знал назубок, каждую буковку, каждую запятуечку. Он и сам мог бы всё это без запинки рассказать. Но сейчас ему отчего-то не хотелось перебивать, а хотелось слушать монотонное бухтение Роланда, чуть подзабытое, в то же время очень близкое, почти родное, представляя себя где-то там, в Берлине, молодым, в полупустой аудитории Академии, в ожидании чуда весны...

– ...Кроме того, Ури, прошу учитывать, это ведь трансграничная область, через неё множество путей проходят, среди которых, что вполне ожидаемо, – туева хуча нелегалов. Само собой разумеется, и плотность переходов ощутимо выше обычного. Притом что в отличие от Конфедерации, где железной рукой бравых ребят из Корпуса Маршала, в частности, вашей, сэр, – честь вам, кстати, за это и хвала! – установлено некое подобие порядка, в здешних краях шарахаются все кому не лень! Контрабандисты, авантюристы, садисты, мазохисты, онанисты, преступники-рецидивисты, экстремалы всех мастей, разные сущности непонятные. Да-да! Не удивляйся! Казалось бы, раздолье для вашего брата! Работы невпроворот! Да только ручки короткие! Ты не поверишь, но моё оборудование, случается, по несколько десятков раз за день фиксирует возникновение либо, если хочешь, исчезновение новых каналов. Не угнаться! Дас ист фанта-

стиш ⁹²! Здесь, в вонюче-дремучей средневековой Тмутаракани?! Холи шит! Уму непостижимо! Звёзды на небе зажигаются! Значит, это кому-то или, быть может, чему-то нужно? В том-то и кроется, сдаётся мне, причина посещения вами, Господин Маршал, старинного своего знаконца, меня то есть. Даже спрашивать не буду, с какой конкретно целью, да ты нипочём и не расскажешь.

Чудо весны сменилось знойным летом, скоро осень. Пора просыпаться!

– Нет, не расскажу, Рол. Меньше знаешь, лучше спишь. Лирики многовато, нельзя ли ближе к телу?

– Я же не просто бла-бла-бла, хочется подходчивей объяснить. Вы, маршальские, из-за своей важности непомерной, корпоративного гонора, такой... пупземлистости, что ли, иной раз простые человеческие проблемы с большой неохотой воспринимаете. А иногда, знаешь, неплохо бы...

– Знаю, знаю! – отмахнулся устало. – Воспринимаю, как есть, точнее, как могу. Резину не тяни!

Страшная догадка тихонько, но весьма настойчиво поступалась в закалённое годами изнурительных психологических тренингов маршальское сознание, огрубевшее, выхолощенное, защищённое выкристаллизовавшейся в каждодневной беспощадной борьбе во благо Конфедерации непоколебимой уверенностью в собственных силах. Маршал не боится смерти! Маршал – боец до мозга костей! Маршал обязан вы-

---

⁹² Das ist fantastisch! (нем.) – Это фантастика!

полнить поставленную задачу, даже ценой собственной жизни! В этом смысл его существования. Самое же страшное – зряшно окончить свои дни где-нибудь под забором, забитым до смерти озверелыми аборигенами, словно бродячая собака...

– Э-э-эх, Юра, Юра! – тяжело вздохнул Роланд. – Где-то что-то сбойнуло в системе, понимаешь? Замкнуло и перегорело. По расхлябанности ли, злему умыслу, винтик, может, какой не докрутили, гаечку... И покатило под откос общее дело, точно снежный ком, нехорошестями обрастая. И прикатилось к нам, сюда, в Свон, в виде абсолютно необеспеченного, неприспособленного к выживанию в здешних суровых условиях конфедеративного Маршала. По совместительству закадычного приятеля моего, без преувеличения можно сказать, друга... Когда-нибудь компетентные службы, несомненно, во всём досконально разберутся, накажут, кого следует, допуская, убьют пару-тройку челов. Сейчас же... Вас зайн золь, шикт зищ воль ⁹³... Короче, нет у нас с тобой никаких вещных или любых иных убедительных свидетельств принадлежности товарища Ширяева, точнее, Гра... Ах, какого товарища! – к славной когорте Претонов Свонских. Вот ведь загвоздка в чём! Нету ни одного не то что подтверждающего, хоть бы чуточку намекающего на то документа! Какого-нибудь обгорелого обрывочка пергамента, строчечки, пусть и водой размытой, с именем, титулом твоим!

---

⁹³ От Was sein soll, schickt sich wohl (нем.) – Что должно быть, то и случится.

Ни-че-го! Ни-че-го-шень-ки! Доннерветтер! Поэтому кури, если есть что! ...Мне б нажраться! Да разве ж пойлом туземным набухаешься, по-нашенски, по-плохишки, в соплю?! Дистиллятор, к слову, хороший припрятан у меня, а толку-то? Бражку на чём ставить, на бурячке местном? Пробовали, бр-р-р-р!

Омерзительное пойло! Месяц центровых слёзно прошу сахару мешок прислать! На коленях буквально вымаливаю! И что вы себе думаете? Как об стенку горох! Вот тебе недобрым словом и Губка Боб! Забота о сотрудниках, зарруга-гааш! – Рол притормозил, вновь седлая ускользящую мысль. – Так вот! В благословенном Своне, заруби себе на носу, выделяясь хоть самую малость из быдличей массы, хоть на полшишечки! – без бумажки ты даже не какашка, а всего-навсего кусок мяса для пыточной жаровни! И единственный вопрос, возможно обсуждаемый с местными поварами-садюгами, за немалый бакшиш, разумеется, так это степень и скорость твоей прожарки, не более того! Усёк, герой?! Куун-гааш! Это, называя вещи своими именами, ну... не катастрофа вселенского масштаба, но происшествие чрезвычайное! Весьма чрезвычайное!! Чрезвычайно чрезвычайное!!!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.